

СМЕНА

Иванов

10
1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Тема мелодии

Как горный поток, ульгу и шаром, песни друзей, лето друбы, радость и тепло,
 За мир, за счастье людей ульгу, да смейте тебей. Здесь ты и я, все мы друзья,
 Мы любовь дить нельзя. Мо любовь страхи не знае, ет, ма, по досте мы ра в строю. Се...
 то дая на всех и... сел, как на лет, ва, ет, по... сны друбым сави-и. Как, я, ма!
 Музыка К. Массалитнинова

ПЕСНЯ МОЛОДОСТИ И ДРУЖБЫ

Слова Андрея ДОСТАЛА.

Музыка К. МАССАЛИТНИОВА.

Как горный поток,
 Могуч и широк,
 Песня друзей,
 Лейся дружей,
 Сердце, звени сильней!
 За мир, за счастье людей
 Ряды смыкайте тесней.
 Здесь ты и я,
 Все мы друзья,
 Нам победить нельзя.

Сегодня на всех языках запевае
 Песню дружбы свою.
 Повтор запева.
 Солнце нам ласково светит,
 В травах сверкает роса.
 За мир на земле мы сегодня в ответе,
 Мы и наши друзья!
 Повтор запева.
 Жизни и счастья народов
 Атомной бурей грозят.
 Но встали за мир на земле и свободу
 Мы и наши друзья!

Молодость страха не знает,
 Молодость мира в строю.

Это была первая свадьба в совхозе. Молодожены Степан Лисунин и Агриппина Волягина возвращаются из загса.

ГОД В СТЕПИ

Между двух лесных массивов, простиравшихся от Казахстана до Барнаула и Павловска, раскинулась огромная степь. Десятки километров можно проехать по ней и не встретить ни одного населенного пункта. Старожилы Павловска называли эту степь «скоридором несчастий».

Странно было здесь во время пурги. Застигнутому ею путнику ничего не оставалось, как зарыться в сугроб и ждать, пока не уймется непогода. Но выжить в степи длится иногда несколько суток, и только опытным «степнякам» удавалось вырваться отсюда живыми.

Павел Уточкин, как и другие горожане, приехавшие на освоение целинных земель Алтая, увидел степь впервые, и его удивляло, что погода здесь так быстро и неожиданно меняется.

Однжды у трактора, на котором Уточкин трелевал лес в Кукуйском лесничестве, сломалась вмяка выжженного хомута муфты сцеп-

ления. Пришлось поехать в поселок за новой деталью. Стоял морозный день. Уточкин запряг лучшую лошадь, тепло оделся и отправился в пятидесятикилометровый путь. Вперед лежала равнина, кое-где выдвигались оголенные берега. Пивсел то дело подхлестывала лошадь, снова заставило попасть в сарок. Но не успел. Ночь застала его в двадцати километрах от поселка, к тому же разыгралась пурга, какой он ни разу не видел за всю свою двадцатипятилетнюю жизнь.

Ветер взметал тучи снежной пыли, обжигал лицо, произывал насквозь. Уставшая лошадь все чаще и чаще останавливалась. Сердце у Павла замирало от страха. Но вдруг неважные замелькала огоньки. «Поселок!» — с облегчением вздохнул Павел, но огоньки исчезли так же внезапно, как и появились; лошадь еле переставлявшая ноги, неожиданно захрипела, рванулась в сторону.

«Волки!» — догадался Павел и торопливо стал искать спячки, чтобы зажечь клоч сена:

еще в детстве он слышал, что волки боятся огня. Но, как назло, спичек в кармане не оказалось. Павел соскочил с седла, взял лошадь за повод и, не стесняя луга волков, сколько подбавляя себя гиканьем и свистом, пошел ее обратно на дорогу.

Только на другой день утром Уточкин добрался до поселка. Обмороженные щеки и нос темнели на его широком, добродушном лице. Тяжело подышавшись с седла, он с помощью рабочего совхоза Ивана Назарова пошел в дом. Вечером Уточкин уже сидел в котлоре и рассказывал директору совхоза Рыжикову и секретарю парторганизации Попову о своем ночном путешествии.

— И как это на меня не бросались волки, не поймают! — разводил он руками.

— Волки знают, кого кушать, — пошутил Попов, — ты же пропитан маузутом, прокопчен тракторным дымом, не подходишь по вкусу...

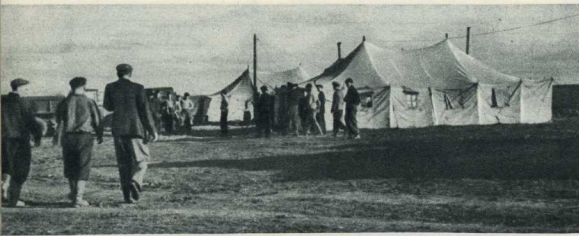
— А все же рисковать не следовало, — серьезно заметил Рыжиков. — Степь, как и тайга,

Проклятия всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Май, № 10, 1955 год.

Год
издания
32-й.

Так выглядели жилища новоселов в мае прошлого года. Четыре палатки. А кругом неоглядная степь.

Фото Н. Калинин.

тант много опасностей. Надо было переждать пургу и выехать рано утром.

— Да ведь работа стоит,— оправдывался Уточкин.— Дров у многих нет, и лес нужнее...

Рыжиков и Попов переглянулись. Им нравился ответ Павла. — Вот что, Захарыч,— с полдерзким вниманием обратился Рыжиков к Павлу,— получай запасные части, отходи дня два и возвращайся обратно в лес.

— Мне и одного дня хватит,— ответил Павел.— Ведь товарищи ждут...

Уточкин взял наглядную и вышел. Как только за ним закрылась дверь, Рыжиков, обычно скупой на похвалу, горько сказал:

— Настоящий парень! За что бы ни взялся, что бы ни поручили ему,— все доведет до конца.

Рыжиков прошелся по комнате и добавил: — Такие, как Уточкин, в первую очередь вспахали семь тысяч гектаров целины, вырастили обильный урожай, сдали государству две тысячи тонн пшеницы да семян заселили на двадцать тысяч гектаров. Словом, настоящие пашенники.

— А помните, как Уточкин хотел бежать из совхоза?— сказал Попов.

Попов поворачиваясь на мигком диване и стал вспоминать о первых днях жизни новоселов.

— Это было в марте прошлого года. Триста шестьдесят юношей и девушек приехали строить новый совхоз в Павловском районе. Среди них были москвичи, свердловчане, керемовцы, митуринцы.

Со станции Арбузовка молодежь привезли в районный центр Павловск. Село понравилось всем, особенно осыновой бор, озеро, живописные холмы.

— Прям курорт!— восхищались природой новоселы.

В помещении зоотехнического училища устроили общежитие. В больших, светлых аудиториях появились топчаны, кровати, матрацы.

— Тут жить — не тужить,— как-то сказал Павел своему другу Шелканову, с которым они вместе получали путевки या Уралмаше, и послал же телеграмму: «Устроился отлично, приезжай!»

Но Павловск с его чудесной природой был лишь временным пунктом для новоселов. Зерносовхоз «Прудица» решили создать неподалеку от степного разъезда Штабка железнодорожной линии Барнаул — Круудла.

Переехали туда утром 1 мая. С серого неба падали хлопья мокрого снега. Уточкин и двое его товарищей прицепили к тракторам большие деревянные сани с безоцинкостержнями.

— Зачем цистерны?— спрашивали Павел друзья.

А он и сам не знал, для чего их закатили на сани. Лишь перед самым отъездом Рыжиков пояснил:

— Это вам такси подавай, чтобы не мочить в такую слякоть. Ухаживайте себя в цистернах и сами туда же...

Поднался смех, шум.

— Да мы кролики, кто ли?— возмущалась москвичка Елена Григорьевна.— Не подем мы так!

Но никто не обратил внимания на ее слова. Все знали, что по разбукшим дорогам ни одна машина не сможет пройти. Ребята и девчата, весело подшучивая друг над другом, поехали в цистерны.

— Тут как в купированном вагоне,— заметил балагур Степан Пискунов.— У кого нет плацкарты — поезжай в самый конец.

Павел умело рассадил всех, предоставив лучшие места девушкам. Когда необычный поезд тронулся, в цистернах раздались песни, загремел пистолет. В таких необычных условиях новоселы отмечали Первое мая.

На другие сутки этот своеобразный эшелон остановился в северной части «коридора неспешности», в сорoka километрах от Павловска.

— Приехали, выходите!— подавал команду Уточкина.

Кругом лежала неоглядная степь — семьдесят километров в длину и столько же в ширину.

— Где будем жить?— возмущался Павловский Григорьев.

Все молчали. Тогда она подбежала к Пискунову и обратилась к нему с тем же вопросом.

— Здесь будем жить?— ответил он.

— Где здесь? — Вот тут. Видишь бурчонки, ямочки — их надо сровнять и поставить палаточки, понимаешь?

Пискунов сказал это с присущим ему юмором. Все захохотало. Но Григорьевой явно не пришлось по душе такой ответ. Она подошла к Павлу Уточкину. Тот минутку посмотрел на нее и коротко ответил:

— Неной!

Павел был не в духе. На душе у него неспокойно: он вызвал жену с тремя детьми, а куда их девать, если и самому негде погреться?

Вскоре приехал Рыжиков.

— Что застряли, друзья?— обратился он к приныкшим новоселам.— Трудиловое будет немного на первых порах, зато много живенького в степи. Давайте готовить места для палаток.

Никогда не унывающий Степан Пискунов первый взялся за лопату, быстро стал очищать площадку. К нему присоединилось еще несколько человек. Чуть подальше заребала другая группа. Энтузиазм комсомольца Пискунова передавался другим юношам и девушкам, все горячо взялись за дело.

Однако нашлись люди, которым не понравились тяжелые земляные работы. К счастью, таких безучучных оказалось немного. Их жалкую группу, отколотившую от коллектива, поему-то назвали «Сто первой бригадой». И всякий, кто попадал в эту «бригаду», терял доверие и уважение товарищей.

К утру появились палатки. Но это было только начало. Впереди предстояли серьезные

трудности. В первые же дни лагеря ощутил недостаток воды. Возникла необходимость срочно преградить путь ветнам водам и в одной из ложбин соорудить плотину. И вот однажды ночью, когда спохватывались в ложбине вода грозила провалить естественные перегородки, носовалом дали команду:

— Все на задержку воды!

Это была большая, трудоемкая работа. Первыми пришли сюда Павел Уточкин, шофер Владимир Цветков, инженер Виктор Гаврильев, поварами Тамара Савина, учительница Элла Куликова. Один за другим отправлялись конные новоселы сооружать плотину. Только представители сто первой бригады Евгений Семенов, Николай Анохин и Елена Григорьевна категорически отказались.

— Мы не занимаемся чернорабочими,— говорили они.

Около двух суток юноши и девушки не уходили с площадки. Ледяной ветром обжигал лицо, мокрый снег палил как в уши, свистела жила. Но ничто не могло помешать молчаливым патристам. Усталые, но счастливые, с песнями возвращались они в палатки. А через несколько часов снова уходили на другую, не менее трудную работу. Выткнули и павловчане в «Сто первой бригады» серьезно мешали делу. Они даже подготавливали кое-кого бежать из совхоза. К Уточкину же который раз подошла его «старшая» Бориса Липина и таинственно шептала ему:

— Павлу не поддаю, бежим отсюда.

И однажды Павел чуть не поддался. Молча выслушал Липина, а с досадой сказал:

— Борис, не приходи к тебе, уйдем...

На другой день все стало известно, что Павел Уточкин собирается бежать. Многие только теперь заметили, что он отпустил колохозу рыжиков борю — верный признак того, что у него побегает. А Павла действовало в том же духе и павловчане. В те дни в нем боролась два чувства, боролась два Павла. Один — тот, который с радостью отключился на призы партизан поехать на оживление сельской молодежи, другой — тот, который знал, что трудностей и готовился к борьбе с ними, а другой — тот, который, встретив трудности, более серьезные, чем предполагал, сдвинулся перед ними, повесил голову. Голос этого второго Павла навязчиво и худое твердил: «ты же столько нелегко недоспали, столько раз возвращался в палатку усталым, грязным, а ведь самое трудное еще впереди. К тому же вот-вот приедет жена, дети. Подумаешь!»

За несколько дней Павел заметно осунулся. Его, похлывав, не узнали бы друзья с Уралмаша. Он мало разговаривал, почти совсем перестал смеяться.

И вот наступил день, когда лицо Павла озарилось светлой радостью. Впрочем, радовалось все: на разезде Штабка остановился товарный поезд. Он привез тракторы, плуги, селки, семена, книги, продукты. Это было настоящим подарком. Липинка переживала и мучные негодноты отступили на задний план. У всех как-то стало веселее на душе. Страна не забывала своих посланцев, снабжала их всем необходимым. Это большую радость вызвало у всех: они знали, что доставлял целанкам партию сборных дров.

Участвуя в разгрузке вагонов, Павел заметил, как к нему подошел только что назначенный бригадир тракторной бригады Михаил Васильев Григорьев.

— Тебе, Павло, поручается компания первую борозду на целине. Учи, болящая честь! Только борозду борю, пожайлуста.

— Борозда не мешает делу,— вооразна Уточкин.

Нет, не мешал,— перебил Тринов.— Совхоз в «Комсомольский» переименовали, а почетный круг на тракторе сделает бороздатель девушка... Нет, никак не годится!

После этого разговора Павел зашел в палатку, достал из чемодана зеркала и украдкой поглядел на свое лицо: не заметил, посморщился в него.

— Да-а,— протянула она.— Ну и обрван!

Ему стало стыдно за проявленное малодушие, за мысли о побеге.

Вечерний снег провалился в трудных условиях. Он начался в середине мая. В ложбине еще лежал снег. Почти через два дня

домля, пахать приходилось мокрую землю. Многие слезы ушли духом: — Не справимся...

Но семь тысяч гектаров целины были вспаханы в сжатые сроки. Уточкин вместе с прицепщиком Николаем Койдиковым каждую неделю выдвигал по восемь — девять гектаров целины. В бригаде его выбрали профороном, он стал активным общественником, охотно передавая свой опыт и знания многим другим трактористам.

Благодаря с трудностями и невзгодами сплавляла людей, укрепляла их дружбу. А это, в свою очередь, помогало им в далекой алтайской степи добиваться успехов в работе, совместными усилиями выполнять большое государственное дело.

В коллективе жестоко осуждалась ложь, любое проявление нечестности.

В самый разгар сева тракторист Смирнов обвинял бригаду. Вспыхнула ссора, он выдвигал свой трактор за Пашком Уточкиным. Уточкин Валентин Гавен не успевал задержать вспыхнувшую ссору.

— Ребята, помогите, зашлись,— попросил он трактористов,— скажите, до сколько сделают кругов, а вечером скажете мне.

И вечером Смирнов сообщил, что он сделал пятнадцать кругов.

— Позвольте,— заметил Уточкин,— я сделаю пятнадцать кругов, а вы все время сидели за мной и ни разу не обогнали. Что же получается?

Смирнов припал себе около двух гектаров пашоты. И видно было видеть, с каким гневом на него обрушился тракторист!

— Ты что, легкий заработок ищешь! — упрекал он его.

Попржему поозорил коллектив люди из «Сто первой бригады». Они всячески увиливали от работы.

Взять хотя бы, к примеру, Леву Григорьевича. Эта зловонная, полная сил девушка была то ученицей, то приемницей, то поварихой, то официанткой, но везде она из рук вон плохо справлялась со своими обязанностями. На проповедь всецело погружалась зарабатывая буквально копейки, в то время, как ее подруга, работавшая рядом, получала по 45—50 рублей в день.

Однако с каждым месяцем ряды «Сто первой бригады» все больше редели. Снизилось число на молотках, дутых комсомольцев и комсомолок, сила их личного примера.

Особенно охотно, с возмущением вспоминают Рыжиков и Попов о строительстве поселка. Первый дом собрал в начале августа. На него затрачено было семь дней. Затрудняло сборку отсутствие элементарных инструментов. Не хватало обычных топоров, пил, точильных брусков. На все запросы снабженческой организации отвечали коротко: «В наличии не имеется...»

Выход был найден неожиданно.

Кулаки Карая Галымудали, в прошлом бригадир штампованного хозяйственно-просекского цеха Ураламца, как-то между делом сказал строителям:

— Когда я уезжал с родного завода, рабочие говорили на прощание: «Если что надо, обращайтесь, поможем». Так вот я думаю выполнять землякам о том, что было обещано ими.

Галымудали поддержали. В тот же день собрались все ураламцевцы и нанесли испом рабочим завода. С этим письмом Галымудали выехал в Свердловск, а через десять дней он вернулся с грузом.

— Ну, как встретили? Расказывай! — спросил его товарищи.

Вместо ответа Карим показал на груз и сказал:

— В этою щипках есть все. Тут и молотки, и топоры, и пилы, и точила, имеются даже гвозди.

Сборка домов пошла ускоренным темпом. Павел Уточкин со своим зяемом успевал за пять дней собирать по два дома. Вскоре в степи вырос поселок из тридцати восьми по-настоящему домов. Они встали ровными рядами,

образовав четыре улицы. В домах появились паровые столбены, электричество, радио. Семейные получки устаканились под огород. Многие приобрели кур, свиней, уток, тусей и кур. Одним словом, целинники обзавелись хозяйством.

О жизни в палатках, о пережитых трудностях остались лишь одни воспоминания. Вечерами молодежь собирается в клубе. Участники художественной самодеятельности ставят здесь пьесы, дают концерты. В клубе играет духовой оркестр. В союхох есть библиотека, школа-семилетка, столовая, два магазина, баня, пекарня, библиотека, радиоузел.

Год в степи был напряженным. Но зато он дал прекрасные результаты. В бышем «коридоре неспешай» возликла новая жизнь, жизнь, наполненная радостью и счастьем. Теперь заводилому путинику не затеряться, не погубить в степи. Как никак сверкает в ночи поселок, озаренный электрическим светом. Вокруг него раскинулось множество новых строений.

А жинем мы, пожалуй, не хуже, чем в Свердловске,— как-то сказал Уточкин своей жене.

— У нас даже веселее,— заметила она,— за семь месяцев сорок две свадьбы отжили. Разве плохо? Появились по-настоящему новорожденные.

— А каким станет наш поселок через два — три года! — воскликнул Павел.

Уточкин, откинув знающий переплеток совхоза, нарисовал красочную картину его будущего. В поселке построит сто домов. На бутре, неподалеку от конторы, вырастут здания Дома культуры и школы-десятилетки, а за углом, где теперь механические мастерские,— завод по ремонту автомашин и тракторов. Чуть подальше раскинутся фермы молочно-товарной и свиноводческой ферм. Уже к осени этого года совхоз будет иметь четыреста дойных коров и свыше четырех тысяч свиней.

«Вечером, когда Рыжиков и Попов уже обратились уходить домой, отворились дверь, и в контору вошел бригадир ремонтно-тракторной бригады Лысаков, недавно прибывший в совхоз после демобилизации из рядов Советской Армии.

— Лев Яковлевич,— обратился он к Рыжикову,— поднижите накладную.

Рыжиков внимательно прочел поданную ему бумажку.

— Где же те болты, что три дня назад получили? — осведомился он.

— Как где! — удивился Лысаков.— Все пошло в дело. Мы уже отремонтировали тринадцать тракторов.

Прошло шесть месяцев, и в степи появились красивые голубые домины для новоселов.

Свердловчанин Висарин Попов приобретает табачнику с номером дома на улице имени его родного города.

Как только были поставлены столбы в поселке совхоза «Комсомольский», бывший элентромонтер Ураламца Владимир Ивашкин горячо взялся за дело. Ему и здесь пригодилась старая профессия.

двать два трактора. Остается только один. Завтра мы и его отремонтируем. А всего выйдет в поле пятьдесят шесть тракторов.

— Молодцы! — похвалил Рыжиков.— Значит, вторую неделю встретит как новоселы.

— Ждем, когда растает снег,— скромно ответил Лысаков.— Всплывет двадцать тысяч гектаров— это, конечно, многовато. Но поймаем. На то наш совхоз и назван «Комсомольским!»

Совхоз оснащен самой современной сельскохозяйственной техникой. Достаточно сказать, что на каждых четырех рабочих приходится один трактор, на пять — комбайн, на пятнадцать — автомашина. А что касается людей, то они отлично владеют этой мощной техникой и каждый из них полон решимости с честью выполнять взятые на себя социалистические обязательства — собрать на вновь освоенных землях по 100 пудов зерна с гектара.

Вторая весна не застала новоселов врасплох!

Я. СУХОРУКОВ

Зерновосхоз «Комсомольский», Алтайский край.

Прошло шесть месяцев, и в степи появились красивые голубые домины для новоселов.

Свердловчанин Висарин Попов приобретает табачнику с номером дома на улице имени его родного города.

Аннэ КОВУСОВ

МОЙ АУЛ

Рисунки Ф. Лемкула.

Встает аул мой на рассвете.
Что новелки он — ничего,
Он ловит рыбу, чинит сети,
Да мало ль дела у него!

Нас кормит море. Но напиться
Не сможешь в нем. Ведь даже в зной
Ни человек, ни зверь, ни птица
Не станут пить воды морской.

Здесь дождь бывает редким гостем,
Но если хлынет он,
тогчас

Его в так,
бочонки,
в горсти
Хозянки ловят всякий раз.

Вода нам трудно достается.
И, чтоб добыть ее,
должны

Мы в землях наших рыть колодцы
По сорок метров глубины.

И верить можете туркмену,
Что в жизни, как никто иной,
Он знает истинную цену
Бесценной влаги питьевой.

И потому у нас, наверно,
До дня, по знаку таманы,
Всегда мучены рост свой первый
Пыльцэ у искателей воды.

Мне этот день забыть едва ли:
Промчался сазг мезе землаков,
Что вырыг в трех верстах, не дале,
Колодец в стороне песков.

В аул быстрее иноходца
Довес он имена пяти
Друзей —

строителей колодца
У караванного пути.

И я, узнав про подвиг славный,
Усажда теплые сады:
Сергей Иванович там главный,
Всему он делу голова.

Кочует под горячим ветром,
В песках, маа, он не первый год.
И у палатки белой,

шедро
Сегодня воду раздаст...

Не долго собирались люди.
И все, кому нужна вода,
Кто на коне, кто на верблюде,
Кто пешим двинулся туда.

Мать, снарядив меня в дорогу,
Мне два бочонка поддала.
Когда же сел я у порога
На вислоухого осла,

Огонь мой вынес свежей рыбы:
— Держи-ка, —
в дар преподнесешь,
Да скажешь за воду спасибо,
Да в гости к нам их позовешь.

Лучам полуоденным подвластным,
Струился воздух над песком.
Я ехал в тубейтке красной,
В штанах холщовых, босиком.

Выл ворон выщетшей рубашки
Распахнут так же, как у вех.
Под камин лезли черепашки,
Засылали на дороге саях.

И так,
у солнца на прицеле
Барханы белые горячи,
Как будто жаркой¹ в самом деле
Их в жарки создали печи.

— Ни дня тебе и ни покрышки,
Пустыня, логово песковой
Лунали пятками мальчишки
Своих ленивых ишаков.

Я тоже крикнула для порядка:
— А ну, лентяй, быстрей ходи! —
И вскоре белую палатку
С холма увидела впереди.

Ясноглазый, загорелый,
С флягой на ремне,
Человек в панаме белой
Подождал ко мне.

Теплый взгляды,
Андо живое,
И на мой поклон
Поздоровался со мною
По-туркменски он.

А потом по-русски начал

¹ Шале дузы.

Спрашивать о том,
Кто в семье у нас рыбакчи,
Ходит за скотом.

Как учился в семилетке
Нынешней зимой
И какие и отметки
Принесла домой.

Ясноглазый, загорелый.
Он сказал, где друг:
— Подрастай. Немало дела
Ждет тебя вокруг.

Не песок, что вечно топок,
Дорог для авдей.
Нужен людям белый хлопок,
Что снег белей.

Не дадим песку ни ходу!
Знай, через год
Мы с тобой живую воду
Приведем сюда.

Пригласим сады-подростки
Жить в твоем крае...
И погладила по-отцовски
Голову мою.

Я его, родного, помню,
Пришла в аул.
А потом подарок скромный
Молча протнула.

Зарю дарует всякий час рассвета,
А друг приносит счастье на порог.
Не раз Сергей Иванович в то лето
К нам в гости заходил на огонек.

Он на меня,
бывало, галнет с лаской,
Закурит трубку,
сядет у огня
И поведет расказ,
как будто сказку,
Про жизнь и облик завтрашнего дня.

Сава умело подбирал геолог,
Расположившись, словно на привале,
И предо мной
кибички темный полог
В небе ты исчезала.

То видела я,
охлащенный волнением,
В канале отраженную звезду,
То чудилось,
что варит мать варенье
Из красных яблок в собственном
саду.

То слышалось,
как нефтеналивные
Гудят суда над весенней волной...
Любля Сергей Иванович такие
Картины рисовать передо мной.

В просторы края моего влюбленный,
На старой карте видела он однок:
Как звалилась красная зеленая
Пустыня дикой желтой пятно.

Я не считала исписанных тетрадей
И книг, прочтенных мною на веку,
Мне довелось учиться в Ашхабаде
И в знаменитом городе Баку.

Спешна ли в институт я на рассвете
С холма из позлащенном сентябре,
Смотря ли, как забрызсывает сети
С баркасов на реке Аму-Дарье,

В воскресный день купался ли
с друзьями
В источниках зеленой Фирозы,
Врודה ли я нагорными ассами
Под небом, что синее бирюза, —

Всегда Сергей Иванович был рядом,
Он неизменно вспоминался мне
С улыбочкой и спокойным
взглядом,
С паншеткой и флягой на ремне.

И в дни,
когда, не казнясь снарядам,
Я жи на генеральных рубежах,
Казалось мне:
он бы со мною рядом
В моих артиллерийских блиндажах.

На фронте встречи земляков нередки,
И мне один рассказывал о том,
Что видел он геолога в разведке,
Второй — встречал в атаке под Орлом...

Я путь держал
туда, где сердцу близкий,
Между пустыней рыжей, как пожар,
И поселкой безднью каспийской
Лежит аул родной мой —
Чикишляр.

Приеза туда
была радостью отмечен:
Из дома брата старшего ко мне
Шагнул Сергей Иванович навстречу
В панаме белой, с флягой на ремне.

И оба мы присели у порога.
Вспоминанья хамуная на нас.
Я возмужал.

Он постарел немного,
Снег на висках, морщины волеа глаз.

Но от его уямчатого взора
Шел тот же теплый, мне знакомый
свет.
Казалось, не утрачена завора
В нем молодость за два десятка лет.

Былое, как прочитанную повесть,
Мы тихо вспоминали с ним вдовое.
— Я помню, как мы вырыли колодец.
А ты приехала на осле верхом...

— А знаете,
мы словно рисовали
В ту пору облак вынуженного дня.
— Могу я быть художником едва ли.
Но есть, не скрою, слабость у меня:

Люблю я путешествовать на крыльях
Высокой человеческой мечты,
Чтоб завтра, друг мой,
повстречаться с бывалою,
Вчерашней сказки видя в ней черты.

Вот жду машину,
с нею в час рассвета
И по заданью двинуся на Атрек...
И я подумал: «Как мне близок этот
Седой неутомимый человек».

Над нами вились ласточки-подруги,
Качнута цвекот присевшущу пчелу.
Хозяйка предложила вымыть руки
И пригласила ласково к столу.

Мой Чикишляр, гнездо родное,
Меня ты гостем не зови,
Ведь всякий час ты бы со мною
В моих мечтах, в моей любви.

Как сила набравшийся туркмен, ты
Со всей страной живешь в родстве.
Есть у тебя свои студенты
И в Ашхабаде и в Москве.

Нельзя года запрятч в оглобли,
Остановив полет мечты.
Мой Чикишляр, твой светлый облик
Иные приобрел черты.

Стоят вдовь уац не кибитки,
А белосенные дома.
В домах добро, а не пожитки,
И дней минувших пережитки
Здесь побеждает жизнь сама.

Я вижу нового приметы
В судьбе людей, в быту людей.
Почтовый ящик для газеты
Прибиа хозяйн у дверей.

А под окошками зубчатый
Уже немаа зим и лет
Привычно в уацну впечатан
Колес автомобильных след.

Мои друзья ваажники много
Ума я сля в свои труды,
Чтоб вас встречали у порога
Здесь ведра, полные воды.

С утра,
какая бы погода
Ни волновала моря гуаь,
Дмятся трубы рыбзавода,
И в небе дым, как Млечный путь.

Вот школы дом светлооконный.
И молодые деревца
До декабря листвой зеленой
Шумят у школьного крыльца.

И аьбат спорщики-малычники
Под ними понуметь в тени,
Покуда снова нефтьвышки
Ночные не зажгут огни.

Готов я с морем по соседству
Бродить в раздумье день-деньской.
Нет от недуга лучше средства,
Чем ветер ласковый морской.

Покрото море сединю,
А купол неба голубой...
Мой Чикишляр —
гнездо родное,
Мы оба выросли с тобой.

Когда под вишней спрячешься от солнца
Уставший путник,
то наверняка
Он с ласково помянет незнакомца,
Что вишно посажда у большака.

Когда кочует песня по державе,
В сердца людей прокладывает путь,
То мы, друзья,
хорошим словом вправо
Создателя той песни помянут

Когда в жару колодец доведется
Среди песков горячих вам найтн,
Я знаю,
что строителя колодца
Вы добрым словом вспомните в пути...

...На трассе Каракумского канала,
Прикурившись от солнечных лучей,
Поет в пути водитель самосвала.
— Кто он такой? —
— Один из москвичей!

Вспомел топограф, словно на пожаре,
Б жару шагнул по сухой траве.
Он мой земляк.

туркменский этот парень.
— Где он учился? —
— В городе Москве!

Вот у шатра,
где огонек мчалит,
С туркменской песней повстречались
мы.

Прислушались: — Откуда перелача?
— Транслация концерта из Москва!

Спят пески губительными на смену
Доаны хлопца в утреннем дыму.
И лено в жизни каждому туркмену,
Кого, любя, благодарить ему.

В явь превратятся сказки золотые.
И в наших землях каждый человек
Тебе
спасибо

говорит, Россия,
Отчизна братства,
Мать великих рек!
Ререлас в туркменском
Я. КОЗЛОВСКИЙ.

«УНИВЕРСИТЕТ НА ТАЛКЕ»

— Впервые голосуешь?

— Первый раз...

— Тогда слушай. Войдемь в зад и иди к столу к твоей букле. Покажи паспорт. Получив бюллетень, проходи в кабину. Прочитай фамилии кандидатов и, если хочешь поговорить за них, выходи из кабины и опусти бюллетень в урну. Все очень просто. Этот разговор происходил в одном из агитпунктов города Иваново накануне последних выборов. Силга Алексеевна Белова, член КПСС с 1903 года, пришла в агитпункт побеседовать с молодыми избирателями, мягко уламываясь.

— А ведь не так просто, дорогие мои, было нам выбирать наших товарищей в первый Совет рабочих депутатов...

9 мая 1905 года группа Северного комитета большевиков соехала в лесу, возле деревни Поповское, нелегальную партийную конференцию. Собрались около полусотни делегатов — фабричных организаторов, пропагандистов, бойцов. Конференция решила начать забастовку в четверг 12 мая. Были утверждены 26 требований к фабрикантам: установить 8-часовой рабочий день и минимум заработной платы — 20 рублей в месяц, отменить штрафы, вежливо обращаться с рабочими, ликвидировать фабричную полицию и тюрьмы («кутузки») при фабриках...

Кроме экономических требований, выставляли и политические: введение всеобщего бесплатного обучения, свобода собраний и стачек.

На конференции был утвержден текст обращения: «Ко всем рабочим Иваново-Вознесенска».

«Схватывает сил больше терпели — говоримся в обращении. — Отглянитесь на нашу жизнь, до чего довела нас наша хозяева. Нигде нет просвета в нашей сочной жизни. Довольно! Час пробил. Не на кого нам надеяться, кроме как на самих себя. Пора приниматься добывать себе лучшую жизнь. Бросайте работу!»

Есть предположение, что эту листовку написал Михаил Васильевич Фрунзе, только что прибывший в Иваново-Вознесенск по поручению Московского комитета большевиков.

Начинать забастовку поручили рабочим фабрики Бакулина, где была одна из самых боевых партийных организаций, которой руководил пробурщик Елампий Александрович Дунаев.

В четверг 12 мая на фабрике Бакулина в неурочное время заревел гудок — сигнал к началу забастовки. Через несколько минут в корпусах стало тихо: все рабо-

чие высыпали во двор и под предводительством Дунаева направились на площадь перед городской управой. В полдень остановилась фабрика Бурмылина, Дербенева, Марастушева. А к вечеру забастовали рабочие других фабрик, типографии, железнодорожники.

Утром 13 мая город имел необычный вид. Не слышно было гудков, не дымали высокие фабричные трубы. В город прибыл владимирский губернатор Леонтьев. На перекрестках улиц, ведущих к центру, стояли нарядами полиции.

К десяти часам утра на площади собралось около сорока тысяч человек. Люди заполнили все центральные улицы и переулочки.

На бочку, стоявшую напротив управы, поднялся рабочий Михаил Лякин. Голос у него был замечательный, выдал он им мастерски. В конце своей речи он указал на торшачный в окне управы губернатора и начал декламировать стихотворение Некрасова:

...Родная земля!
Иванови мне такую обитель,
Я твоего угля не видал,
Где бы сеять твой и хранитель,
Где бы гусиней мушкет не сточал!

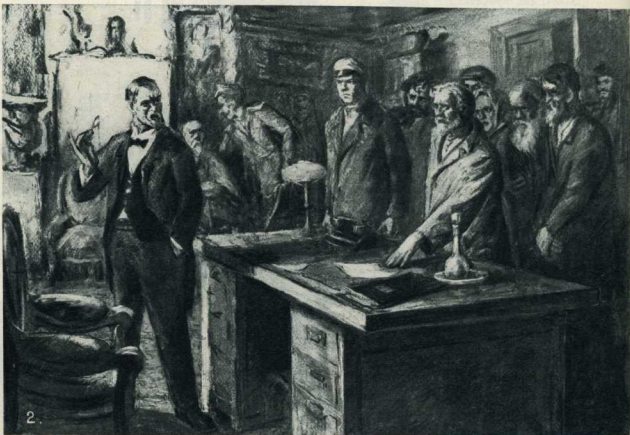
Речь Лякина прозвучала огромным впечатлением на рабочих. После него на трибуну поднимались даже те, кто раньше и не помышлял выступить перед такой массой людей. Говорили о своей тяжелой жизни, о произволе фабричной администрации, о полугодном, почти нищенском существовании. Здесь же, на площади, было положено начало стачечному фонду.

Через день, в воскресенье 15 мая, в Иваново-Вознесенске произошло событие огромного исторического значения — выборы уполномоченных, которых народ буквально на второй же день стал называть депутатами.

Сейчас трудно установить, кто первым подал мысль избрать уполномоченных, но одно совершенно бесспорно — руководители партийной организации Федор Афанасьевич Афанасьев — «Отец», М. В. Фрунзе, С. И. Балашов, Е. А. Дулаев, Ф. И. Самойлов и другие правильно поняли и вовремя оценили инициативу, исходившую от рабочих.

Рабочие, в свою очередь, отплатили партийной организации огромным доверием: из ста пятидесяти одного депутата две трети являлись членами партии.

В. И. Ленин в 1918 году говорил: «Советы не выдуманы какой-нибудь партией. Вы прекрасно знаете, что не было такой партии, которая могла бы выдумать их.

НА НОВОМ МЕСТЕ

Они вызваны к жизни революцией 1905 года.

Первое заседание Совета рабочих депутатов состоялось в тот же день, 15 мая, в здании мешанской управы. На нем были рассмотрены требования к фабрикантам. Особенно горячо обсуждался вопрос о введении восьмичасового рабочего дня. Представители фабричной инспекции предложили, чтобы требования предъявлялись отдельно каждому владельцу. Но рабочие не согласились с этим. Елпатьевский Дуаев с присущей ему находчивостью предложил в качестве посредников и переговорщиков заявить старшему фабричному инспектору Сварскому:

— Вы, ваше благородие, не туда настаскиваете. Соседи наши, хоть сейчас воевать, разошлись народ — на печке лежать.

Вскоре Совет рабочих депутатов стал созываться в городе. Но его решение были закрыты не только местные лавки, но одно, даже самое маленькое промышленное предприятие не начинало работу без воли Совета.

Деньги, собранные на площади во второй день забастовки, послужив основой для стачечного фонда. Вскоре в кассу Совета стали поступать пожертвования из других городов: Кострома, Ярославля, Рыбинска. Большую помощь Иваново-Вознесенску оказали московские рабочие.

При Совете была создана производственная комиссия, которая развала особу нуджающих таланов в рабочей кооператив «Единение — сила», где по этим условиям отпустили бесплатные продукты. Городские и губернские власти принасли Совет уже тем, что вступили с ним в официальные отношения и переговоры.

Однажды губернатор попытка напечатать в типографии какую-то бумагу. Совет в этой просьбе отказал. Поднимается потребность в Совете провести свою программу на проспекте. Получив отказ, он запретил Совету собираться в мешанской управе. Тогда заседания были перенесены за город, на берег Талки.

Заседания Совета были краткими. К полудню на Талку собиравлись тысячи рабочих, члены их семей, и начинались собрания.

Постепенно на этих собраниях, кроме речей о текущих забастовочных делах, стали читаться доклады и лекции на разнообразнейшие темы: о политике, о технических тем. Нередко на трибунах появлялись пропагандисты и лекторы — представители Московского и Северного комитетов партии.

Политические речи на Талке, кончавшиеся, как правило, призывом «Долой самодержавие!», не на шутку испугали местные власти, которые решили обратиться к фабричному комитету «Социалистическому университету». 2 июня губернатор опубликовал запрещение собираться на Талке. На другой день рабочие были разогнаны полицией и войсками. В результате сражения на Талке были убиты и ранены сотни рабочих. На берегу реки остались многие убиты.

Расстрел, избивание рабочих вызвали волну негодования по всей России.

Рабочие Иваново-Вознесенска отделили власть и административную власть от администрации земского общества — фабрикантам. Вечером выпалили особняк и дачи богатей, согреда фабри-

ка Гадурина. В городе было объявлено военное положение. Но рабочие еще более сплотились.

Только 23 июля, после того, как фабриканты удовлетворили многие требования забастовщиков, рабочие вернулись на фабрики. Совет рабочих депутатов продолжил работу 66 дней. Но и с роспуском его не прекратилась деятельность депутатов. С ними попрежнему советовались рабочие по всем жизненно важным вопросам.

Но самое главное, что впрямую ставка, — это рост политической сознательности трудящихся. Если в мае 1904 года в Иваново-Вознесенске было 160 большевиков, то в мае 1905 года их стало около 400, а в июне — более 600.

В летопись, выпущенной фабрикантами после окончания стачки, говорилось:

«Товарищи, стачка кончилась. Мы опять принимаем за свой тяжелый труд. Фабриканты лезут, они думают, что сомыли нашу солидарность; они думают, что победили, что мы сдались, считая себя побежденными. Но так ли, товарищи? Победенными ли мы возвращаемся на наши фабрики и заводы, могут ли наши враги торжествовать свою победу? Нет, товарищи, ошибаются наши враги, равно торжествуют нашу победу».

«Товарищи, ободрите же малодушных товарищей, учитеесь, организуйтесь, и когда наступит час, тогда все русские народы встанет с оружием в руках под красивым знаменем социал-демократической рабочей партии. Товарищи, призываем же во всем русскому рабочему движению под знаменем РСДРП, которое поведет нас на твердые шарма, на последний штурм. Долгой самодержавие, да здравствует вооруженное восстание! Да здравствует восьмичасовой рабочий день, да здравствует РСДРП! Да здравствует социализм!»

Арк. ВАСИЛЬЕВ

Очерк «Университет на Талке» иллюстрирован рисунками студентов Московского государственного художественного института имени Сергея Ткаева. 2. В. Ордионов «Революция 1905 года» — Ордионов и Н. Родионов «Митинг на Талке». 3. В. Ордионов «Исторический комитет Иваново-Вознесенска требует предъявления фабрикантам требований к фабрикантам». 4. В. Родионов «Впечатное заседание в Иваново-Вознесенске». Этой эстет посвящен сегодняшний выпуск Иваново-Вознесенских тыщей.

Нина Борзова родилась и выросла в Егорьевске. Но ее жизнь всегда была тесно связана со столицей: она училась в Московском автотренинговом институте на факультете городского транспорта; после окончания института работала в одном из цехов Московского ремонтно-троллейбусного завода; здесь комсомольцы избрали ее своим секретарем.

Жизненный путь Нины складывался ровно, спокойно. Встречалась, конечно, и трудности, но все же их было не так много. И вдруг наступила минута, когда перед Ниней открылась новая дорога, сулившая трудные испытания.

Это было после сентябрьского Пленума ЦК КПСЗ. В заводской комитет комсомола поступали заявления. В них была одна просьба: пошлите в деревню. На предприятиях шла отбор специалистов для работы в МТС. Нина не могла оставаться в стороне от этого большого дела. Она понимала: нужно ехать. Молодая, не обремененная семьей, — кому, как не в первую очередь ехать туда, куда зовет партия!

Нина поддала заявлению и вскоре получила путевку в Кромскую МТС Орловской области инженером по механизации трудовых работ на фермах.

Тусклые, редкие фонари, широкие заснеженные улицы. Борзова сошла на автобусной остановке. Нина, не выходя из привычной рубашки. Вместе с кофточными, платьями и туфлями она везла с собой чуть ли не целую техническую библиотеку.

Опустила чемоданы на землю, Нина огляделась: куда идти, где здесь гостиница? Здание, которое проходил, показавший ей дорогу, назвал домом приезжих, ничем не отличалось от расположенных рядом. Когда Нина открыла дверь и вошла, дежурная привычной скороговоркой произнесла:

— Нет! — растерялась Нина. — Как же мне быть?

— Вот уж чего не знаю, того не знаю, — пожало плечами дежурная и тут же, заметив растерянность сестры, сказала: — В Кромех идет учительская конференция, все до последней койки отапно педагогам. Von диван отапно отаждать.

Нина посмотрела на дверь, где стоял диван. Бросила взгляд на то и дело хлопаящую входную дверь, откуда несло холодом, на заслепленный, с лужами оттаивающего снега пол, на весь неуютный вид гостиничных сеней, где ей предлагали ночлег, — и по злости, обиды, усталости почувствовала, как комок подступает к горлу. Почему-то ей подумалось: если с первых минут своего пребывания в Кромех она мирится с неудобствами, то и дальше все пойдет так же, жизнь станет неустройством к столу.

— У вас телефон есть? — зло спросила она.

— Телефон нет. А зачем вам? — удивилась дежурная.

— Чтобы позвонить в райком, рассказать, как здесь принимаются специалисты, чтобы...

Нина готовилась выкрикнуть, раскладывая, но этому помешала средних лет женщина с усталым, сморчатым и добрым лицом. Машинный снег с валеков, она сказала:

— Не стоит расстраиваться, милая. И в райком звонить не стоит: мест-то свободных действительно нет.

— Зачем же вы деретесь со мной, уступлю половину койки. Уместится... А завтра устроится.

Нина долго лежала с открытыми глазами: что-то мешало ей уснуть. Перебрала в памяти события дня, она наконец нашла причину своего смутного беспокойства: неправильно она вела себя с дежурной. Обиделась, чуть не наскандальна, в райком пожаловалась хотела... Нехорошо, очень нехорошо!

«Подумавши, столченная ситуация», — подумала себе Нина. — Истак, видите ли, в гостинице не оказалось, диван, видите ли, неудобный. Тут не браться, а работать надо, до седьмого погара...

Эту ночь на 5 января 1954 года Нина запомнила. С нее ведет она начало своей новой жизни, каждый день которой радует ощущением важности и нужности того, что делается, полнотой интересов, ясностью задач.

— Учитель, Нина Сергеевна, — сказал Борзовой в день первого знакомства главный инженер Кромской МТС Лукьянов, — здесь никто не будет спрашивать, на какую тему мы с вами защищаем диплом, какая у вас специализация. Здесь считают так: раз ты инженер, то обязан разбираться во всем, что связано с техникой.

Лукьянов хитро посмотрел на свою собеседницу. Нина слушала внимательно, стараясь уловить, куда клонит главный инженер.

А Лукьянов между тем продолжал:

— Требования к нам предъявляют здесь ширине. Да, да, Нина Сергеевна, вы заранее должны быть готовы к тому, что в колхозах каждый день перед вами будут выдвигать самые неожиданные, самые непредвиденные задачи. И вам их придется решать. Решать по-инженерски.

Сколько раз убеждалась потом Нина в правоте этих слов Лукьянова: с колхозниками Борзова начала с «власти труда» — одной из передовых артелей района. Первое, что бросилось в глаза девушке, — это бездельничавший ветрик на ферме и навалом лежащие неподлажен рельсы подвесной дороги.

— Что с ветряком случилось! — спросила Нина женщину с подойниками в руках.

— Кто его знает, помолась...
— И ядовито...
— А почему не поинтересуйся?
— Некому, понимающему человека нет,— сказала колхозница.— Степан Иванович уже сколько раз рассылал письма. Ора писал. Он пишет— ему отвечают, он пишет— ему отвечают... Так бумаги взад-перед и ходят. А бумага что? От бумаг ветра не зароботает!

Верно,— подтвердила Нина и поинтересовалась: — Степан Иванович— это кто?
— Да Мельников, председатель колхоза.
Порой председательской комнаты в правлении колхоза Нина переступила не без волнения: как-никак, это будет ее первая встреча с одним из тех людей, с которыми ей придется работать. О Мельникове говорили как об одном из лучших колхозных руководителей в районе. Сумеет ли стать начальником производственного отдела, оправдать ли здесь свое инженерское звание?

Герой Социалистического Труда Степан Иванович Мельников, как среднее из работников, чертами обветренного лица, в день появления Нины в колхозе был хмур: не ладилась протравка семян, плохо шла вывозка минеральных удобрений со станции, загугая где-то на садыбе конюх, и в конюшне был полный беспорядок... Словом, поводов для негодования было достаточно.

Онигуз взглядом приезжую инженершу— ботники с меховой оторочкой, пестрые, мудреной вязки веревки, а когда Нина их увидела, то и не узнала.— Мельников сделал о Борзовской самое невыгодное заключение. «Разве такая в деревне удрижит» — подумал он. «Иногда крохотка, да газетный листок, в парке культуры, земли живой не видел. Да и машин наших не видел, сама говорит, что по троллейбусам специалист. Какой же это не ползая мушкет! Будет она сама собирать бухгалтерские цифры для отчета, а потом, глядя, улунит минуту и уедет. Дело известное...»

Заговор яно не клеился. Председатель отечая вконец, односторонно, рассвено посматривал в окно. Вдруг, увидев кого-то на улице, он оживился, постучал в стену, вскопич с места и ушел. Нина осталась дожидаться председателя, поговорить с ним; она не девчонка, она не потеряет неуважительного отношения к себе.

— Вы думаете, товарищ Мельников,— сказала Нина, сердито и решительно,— что с гастролером дело имеет? Думаете, пришла к вам, поболтала и ушла? Нет, она будет.

— Вы думаете, товарищ Мельников,— сказала Нина, сердито и решительно,— что с гастролером дело имеет? Думаете, пришла к вам, поболтала и ушла? Нет, она будет.

уважать друг друга, иначе работа не пойдет.
Мельников с интересом взглянул на Борзову.

— Коли речь, товарищ инженер, о работе идет,— договорился с этим и пришла...
Нина повела разговор о ветряке, о подвесной дороге, сказала, что возьмет это дело на себя, привадет их в действие.

Возваск здесь, видно, авторитет МТС,— подумала Нина, однако спорить с Мельниковым не стала: на сегодня довольно, она к этому еще вернется. А пока коротко, что хоть о ветряке договорилась.

На следующий день Борзова в ватнике и комбинезоне лаяла по силфрам ветряка. Нужно было разобрать его конструкцию, выявить повреждение до того, как сюда придут слесари МТС.

Ажурная металлическая башня колебалась под напором ветра. Выйдясь по прыткам на самый верх ветряка было неприязно и страшно, спускаться казалось еще страшнее, но Нина преодолела все. Она побывала здесь и на второй день, и на третий.— Она вымыслась в специальную библиотеку и внимательно прочтала все, что могла найти о ветряных двигателях. Наконец характер ремонта ей стал ясно, и Мельников начал приступать к работе.

В МТС есть немало трактористов и комбайнеров, знакомых со слесарями монтажно-ремонтных бригад. Нина пришла туда искать помощников. Николай и Михаил Коломыва, Леонов, Веников, Логанов пошли вместе с ней к ветряку. Девушка объяснила причину поломки, рассказала, что нужно сделать. Через некоторое время ветряк был отремонтирован.

Пустить бездеятельного ветродвигателя не так уж трудно. На заводе Нина решала задачи куда сложнее. Но эта первая работа в колхозе доставила девушке огромное удовольствие. Она видела, как обрадовались колхозники на ферме, когда ветряк снова замаял крыльями и заработал водокан. Заметила она также и другое— больше стало приходить к ней теплых улыбок, рукопожатий.

О подвесной дороге Нина вторично заговорила с Мельниковым накануне три. Председатель в тому времени изменил свое отношение к ней. Пуск ветряка распалил лед между ними.
— Вы уж возьмите это дело на себя, Нина,— услышав ее,— сказал он, выслушав девушку.— Дорога нам очень нужна. Знающего человека не находилось. А реально-то с каких пор валютуют...

Борзова осанала новую работу. Она тропилась, основательно. Она познакомилась со всеми десятью колхозами «своей» зоны, разобралась в их экономике, узнала, какая ветряк какими возможностями располагает. И все-

таки по-настоящему уверенно себя не чувствовала: не было никаких планов, не обрисовались, хватало за все время не хотелось.

Подказала доярка Мария Красникова из колхоза «Путь к коммунизму». Колхоз по под колхозу «Власть труда»: хозяйство маленкое, работа спортивская, уроки основной технической культуры — конопил — высокие, доходило, вышло, трудилось по-полновесный. Казалось бы, всем должны быть довольны колхозники.

А Красникова была недовольна.— Иду я на ферму,— и не всерьез, не то шута говорила она Нине.— Сколько лет работаю, дело люблю, почет и уважение вижу, а если не займется по-настоящему фермой, уйду. Разве же можно так!

Доярка стала рассказывать: — Восемь коров выдоят, напоят, восьми коровам корм накроют, а еще надо привезти, восемь коров убраться надо вынести,—ведь это только представить надо, сколько тут сил требуется! А механизация почти никакой. Разве так можно!

Заговор с Красниковой взволновал Нину. Она как-то особенно отчетливо ощутила смысл и значение стоящих перед нею задач. Да если вести гдет для инженеря непонятый край работы, там это в колхозном животноводстве! На полях тысячи сложных машин всех видов и назначений при этом настолько оосободили людей от такого тяжелого физического труда, а в животноводстве этого пока нет. На многих фермах машина еще не занимает подсобющего его места. Не зря Мария Красникова приехала на ферму. Тяжело и не ей одной. Что доярки, что санитари, что телатницы— все они имеют свой счет к МТС.

В разговоре по совету разговора с Красниковой Нина побывала в Сельхозснабе и видела там под навесами рельсы, столбы, вагоны, подвесные дороги. Оборудование, по словам кладовщика, лежит здесь уже давным-давно, потому что у богатых колхозов «аппетита к таким вещам нет, а у бедных — силенко».

Сидя, сидя рядом с дояркой, слушая рассказ, Нина, сколько приключений ей перегаживала за день на себе, Нина вспомнила про аккуратно сложенные комплексы подвесных дорог на складе, про вывешенные на черной доске планы.

С блонотом и рулеткой в руках Нина стала обходить колхозные фермы, вымерявая и подсчитывая, сколько потребуется материалов, сколько вывезти их. Скоро была названа цифра— тысяча метров.

О тысяче метров подвесных дорог заговорили в районе как о деле большого значения. Нину подкармли в МТС в райком, в колхозах. Были выделены специальные средства, транспорт для подвозки материалов, люди.

Двадцать проектов составили Нина Борзова и ее помощники. Подвесных дорог построено под ее руководством. Общая протяженность их составляет больше тысячи метров. Легко стало подвозить корм своим чаше стаю коровникам и свинарникам. А Красникова, встречая теперь Нину, каждый раз уважительно здоровается с ней.

В колхозе «Путь к коммунизму» на дворе животноводческой фермы в беспорядке лежали канистры, банки, банные чашки, трубы. Весь этот непонятный инвентарь представлял собой часть трех коромыселников. Их без особых трудностей можно было бы собрать, если бы не вентили. Вентили, соединяющие трубы, среди деталей не оказалось. Нина убедилась в этом, взглянув в приложенный к оборудованию чертеж. Оборудование пришло некомплектным.

— Вот видите, товарищ инженер,— поначал головой председатель колхоза Леженков, когда Нина рассказала ему о вентиле,— видите, что получается! Спасибо, теперь есть кому разобратся. А не будь вас Полежаева, бы, полежаю оборудование под открытым небом, потом, глядясь, один бригадир приспособил бы под что-нибудь бочки, другой — ящики, третий — трубы... Тем бы дело и кончилось. Сколько уж таких случаев было, сколько уже добра и денег потеряли — вспомнить страшно.

На этот раз колхоз вступую денег не затрлани. После того как недостающие вентили были вытребованы в Сельхознабе, и коромыселники собраны, они отлично оправдали себя. Превращение сухой, грубой соломы в сочный, аппетитный корм, казалося Нине, просто чудом. Она стала рядом с Клавдией Тереховой, Марией Красниковой, Тельновой Леженковой, смотрела с какой охотой жуют животные свежую аркашу и амару. С каждым днем, а дождь, размышляя о том, как много пользы принесет ферме запирание грубых кормов, как повысится удои.

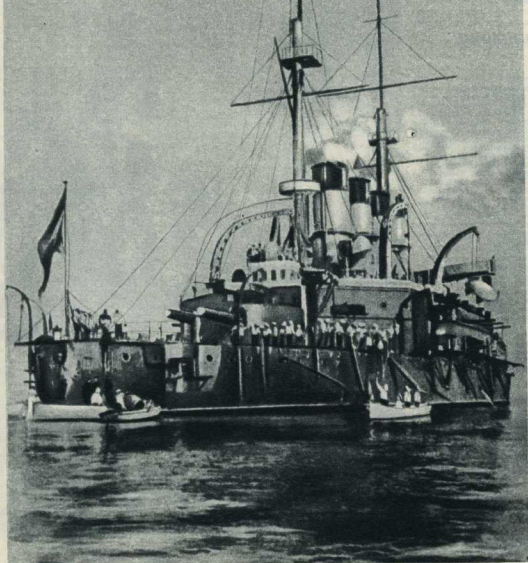
Инженер Борзова была интересна колхозам, их работами и радостями.

Шли дни, недели, месяцы. Прошел год, Нина повела итоги: что же, вступую год не прошел! Многие изменилось за это время на фермах кромокских колхозов. Появились механизмы, которые облегчили труд животноводов, ускорили иници, сменив себя с концентратами, вытрузили в агонетики. Остается, значит, только подать вагоны по подвесной дороге к коровникам и все. Такой машина, ну, отперть доступ и в другие колхозы.

А сейчас работа разветвляется еще шире. Недавно Нина установилась на свинохозяйственной ферме «Власть труда» первый в районе кормопроектный комбайн, который сам мовт корнелюлю, сам режет, закрывает, иници, сменив себя с концентратами, вытрузили в агонетики. Остается, значит, только подать вагоны по подвесной дороге к коровникам и все. Такой машина, ну, отперть доступ и в другие колхозы.

Проектирует также Нина строительство дольных залов в колхозах «Власть труда» и «Путь к коммунизму». Думает вместе с колхозниками, как можно бы о других усовершенствованиях, которые облегчат труд на фермах.

Нина Борзова нашла для себя в Кромках большую инженерскую работу.

СЛАВНАЯ СТРАНИЦА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ

К 50-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ НА БРОНЕНОСЦЕ «ПОТЕМКИН»

В утренний час электричка привозит в Болшево не много пассажиров. Прикопальная площадка быстро опустела, и только невеселая девушка-почтальон с пухлой кожей сумкой через плечо спешит к автобусной остановке.

— Расскажите, пожалуйста,— обратились мы к ней, рассчитывая, что почтальоны лучше всех знают адреса,— как разыскать Луговой проспекта, дом двадцать пять?

— Вам, наверное, Лычева? Ну, это совсем недалеко,— сказала девушка,— а каждый день по этому адресу писать сразу.

Воспользовавшись объяснениями почтальоны, мы без труда отыскали небольшой домик, спрятавшийся в зелени молодого сада. Здесь, в лоджковском поселке Новые Горки, неподалеку от Болшева, живет Иван Аки-

мович Лычев— участник восстания на броненосце «Потемкин», член партии с 1904 года.

Хозяин встретил нас приветливо. Лычеву уже перевалило за семьдесят, но выглядит он гораздо моложе своих лет. По-матросски, арзавалочку, шагая, Иван Акимович провел нас в комнату, бережно достал из стола письма.

— Вот оно, мое богатство, сморгите!

Лычев кратко рассказал о своей перипетии. Пишут ему разные люди из самых далеких уголков страны.

«Мы жили в тяжелых условиях, вспоминает в своем письме Алексей Федорович Царев, в прошлом машинист броненосца «Потемкин»,— росли в бедноте и вуде и с малых лет испытывали на своем горбу тяжесть рабского труда. Помню, как и мальчишкой пас саней у кулака, волол, всякую работу с утра до

поздней ночи выполнял, а получал за все 7 копеек в день. Ушел от кулака; немощно стало,— плавал по Волге чечегаром на пароходе...

«Напа теперешня молодежь и представить себе не может тот гнет, ишесть и бесправие, которые нам пришлось пережить,— пишет потомкинец Ильяргов Павлович Шестидесятый.— Это был удел почти всех молодых рабочих и крестьян царской России».

Тяжелое, бесправное существование пробуждало жгучую ненависть к тем, кто владел и фабриками, и пароходами, и самыми судьбами людей. Эту ненависть принесли они с собой в царский флот, где процветали изурядующая муштра, бессмысленные издевательство и изурядовательство.

В письмах потомкинец немало строк уделено тем, кто указывал матросам единственно правильный путь — путь сознательной революционной борьбы. В то время на флоте было не много большевиков, но о них потомкинец вспоминает с особой теплотой и благодарностью. «...Смелые, дружные ребята Григорий Вакуленчук и Степан Бессалаев. И товарищи хорошие... вспоминает А. Царев.— Подготовительная работа среди нас, матросов, началась нмь задолго до восстания, еще с 1903 года».

В 1905 году на броненосце «Потемкин» оформилась социал-демократическая группа. В нее вошли Бессалаев, Лычев, Никитин, Решетинко, Кулик, Осадкий и другие. Руководил группой Григорий Никитич Вакуленчук, который был связан с матросским комитетом РСДРП в Севастополе — «Матросской центральной». В революционной работе активно участвовали А. Матюшенко, И. Шестидесятый и другие матросы броненосца.

«Мы держались один за одного, действовали дружно,— пишет Максим Давыдович Давыдов, бывший матрос «Потемкина».— Помню, как мы, патрулируя по Севастополю, горло обжудали листовки? А в них смело говорилось: «Долой Николая III Землю! — крестьянам! Фабрики и заводы — рабочим! Да здравствует свобода!»

Революционные идеи все шире распространялись среди матросов. Возмущение нарастало с каждым днем. Матросский комитет РСДРП готовил восстание на Черноморском флоте. Подпольные шинки сидели на каждом шагу матросов. Стало труднее собираться на нелегальные собрания. К каким только ухищрениям не прибегали матросы-революционеры, чтобы обмануть полицию!

В одном из писем приводится любопытный эпизод. Недалеко от Севастополя находился мужской монастырь. Матросы подозревали, что монахи занимаются далеко не богоугодными делами. И вот однажды патруль вооруженных моряков, неожиданно яврянувшись в монастырь, застал там пьяных монахов в компании женщин. «Святые отцы» буквально остолебели при появлении матросов, но, ослепленные, валились в ноги, умоляя, чтобы избежать огласки. Матросы внаотр отказались от утешения, но находчивый командир патруля договорился с переубитым иеромонахом о том, что монахи будут собираться в саду монастыря. После этого в теневые подполья социал-демократическая группа проводила здесь нелегальные собрания под охраной монахов. А жандармам даже в голову не могло прийти, что революционеры собираются в монастыре.

Самому незабываемому событию — восстанию на броненосце — бывшие потомкинец посвящают много взволнованных писем.

Ильяргов Павлович Шестидесятый вспоминает, как ярый марксист лейтенант Толь хотел взорвать матеижский броненосец. Матросы задержали офицера. Тогда Толь попытался застрелить руководителя восстания Матюшенко. Но Шестидесятый вовремя бросился на бруноуши из рук лейтенанта, и пуля пролетела мимо.

А кочегар-потемкинец Е. Гутинов пишет: «В этот день я стоял у топика... Слышу крик: «К орудию!» Затем слышу: «Стреляй, Поня и — выстрел! Схватил винтовку, бросился вперед со всеми разоружая офицеров. Тут один из них меня и ранил».

Г. Вакуленчук.

ношу — по полусмиску Воспользовавшись объяснениями почтальоны, мы без труда отыскали небольшой домик, спрятавшийся в зелени молодого сада. Здесь, в лоджковском поселке Новые Горки, неподалеку от Болшева, живет Иван Аки-

ДОКТОР НАУК

Академик И. ПЕТРОВСКИЙ,
ректор Московского государственного
университета имени М. В. Ло-
моносова

Конференц-зал на 14-м этаже
высокого здания Московского
государственного университета
был переполнен. Собрался про-
фессоры и студенты механико-ма-
тематического факультета МГУ,
научные сотрудники Математиче-
ского института имени Стеклова
Академии наук СССР.

В этот день защищала диссертацию
на соискание ученой степени
доктора физико-математических
наук молодая ученая Ольга Олей-
ник. Свою диссертацию она по-
святила решению важных и труд-
ных вопросов теории уравнений
с частными производными. После
выступления диссертантки слово
взяли официальные оппоненты —
известные ученые академики С. Л.
Соболев, члены-корреспонденты
Академии наук СССР Л. А. Люс-
терник и И. Н. Векса. Они дали
высокую оценку работе молодого
математика. Ученый совет меха-
нико-математического факультета
Московского государственного
университета единогласно присудил
Ольге Арсеньевне Олейник
высшую ученую степень — доктор
физико-математических наук.

Наша Родина дала миру целую
плеяду блестящих математиков.
Не редкость в нашей стране и
женщины-математики. Однако
Ольга Олейник первая из совет-
ских женщин-математиков удо-
стоена степени доктора в двадцать
девять лет.

Ольга Олейник — моя ученица.
Я помню ее еще на семинарах.
Студенты решали на этих семина-
рах различные задачи, выступали
с докладами. Уже тогда Ольга
Олейник отличалась удивительно
высокой пылкостью мысли.

Окончив в 1947 году с отличием
Московский университет, Ольга
Олейник поступила в аспирантуру
и одновременно начала работать

в Математическом институте имени
Стеклова. В 1950 году она за-
щищала кандидатскую диссертацию,
а совсем недавно, как я уже
говорил, ей была присвоена степе-
нь доктора.

Сейчас Ольга Арсеньевна Олей-
ник преподает в университете.
Она читает студентам курс диф-
ференциальных уравнений, ведет
семинары, консультирует дипло-
мников, под ее руководством пи-
шут кандидатские диссертации аспиранты.

Математика — одна из самых
древних и высокоразвитых наук.
Она требует глубоких знаний,
гибкого ума, тонкого, строгого
мышления и огромного упорства
в труде. Не просто сказать новое
слово в математике, сделать шаг
вперед, творчески решить постав-
ленную задачу. Ольга Олейник —
выдающийся ученый, крупный
специалист в области дифферен-
циальных уравнений. Ее перу при-
надлежит пятнадцать научных трудов.
Работы Олейник, относящиеся
к теории дифференциальных
уравнений, в то же время решают
важные теоретические вопросы,
имеющие отношение к движению
вещной жидкости.

Президиум Академии наук
СССР учреждена премия имени
замечательного советского ученого
Н. Г. Чеботарева за лучшую
работу в области математики.
Тайным голосованием экспертная
комиссия отделения физико-математических наук и Президиум
Академии наук решают, кто до-
стоин премии. В 1952 году на со-
брании Академии наук СССР, где
собрался виднейшие ученые
страны, премия была вручена
Ольге Олейник. Вручая премию,
президент Академии наук СССР
академик А. Н. Несмеянов пожелал
молодому математику новых
успехов в ее научной деятель-
ности.

Ольгу Олейник хорошо знают
не только в нашей стране, но и
за границей. Она выступала с до-
кладами в Варшаве, на VIII съезде
польских математиков. Недавно
Ольга Олейник в составе делегации
советских ученых побывала
в Индии, где познакомилась с
индийскими учеными и студентами,
рассказала им о работе совет-
ских математиков.

Закончилась лекция. Доктор физико-математических наук Ольга Арсень-
евна Олейник беседует со студентами.

Фото В. Тюркелла.

П. РОЗИН

У НОВОСЕЛОВ АЛТАЯ

Впечатления художника

Чем ближе мы подвизались к
Сибирь, тем своеобразнее стано-
вились пейзажи, мелькавшие за
окнами скорого поезда Москва —
Барнаула. Все здесь поражало жи-
вописной новизной: и угромам,
таинственной тайге, и могучие
быстрые реки, и лиловые грома-
ды дальних гор...

Алтай... Мне довелось про-
ехать почти пять тысяч километ-
ров по этому на редкость при-
влекательному своей суровой
красотой краю. Но самое боль-
шее впечатление произвели на
меня тысячи конюшей и девушек,
которые по зову родной Комму-
нистической партии пришли в не-
обитаемую алтайскую степь и по-
казывают здесь образцы трудо-
вого героизма.

Первое мое знакомство с це-
линымицами произошло в Бобков-
ской МТС. Здесь я встретился с
бригадиром прославленной трактор-
ной бригады Валентиной Фе-
дединой. Но едва я начал набрасывать
речь трактористки, как
ее срочно вызвали в краевой
центр, и мне пришлось на не-
определенное время отложить
работу. Когда за девушкой за-
крылась дверь, я подумал о том,
какими обманчивыми бывают ино-
гда наши зрительные представле-
ния о незнакомых нам людях.
Я охотел увидеть рослую, физиче-
ски сильную трактористку, а Фе-
дединая оказалась обыкновенной
худенькой девушкой с голуби-
ными глазами.

Надолго запомнилась встреча с
молодежью на строительстве
усадьбы в Ново-Егорьевском сов-
хозе. Среди холостяков, привезенных
с Алтая, я бережно хранил наброски
этой постройки на целине: раз-
бросанные тулы и там белые
палатки, фундаменты будущих
жилых домов, золотистый тес,
кирпич... И на фоне создаваемой
в степи усадьбы — молодая, уле-
ченная романтикой трудя: де-
вушка в синих спортивных шаро-
варах и коричневые от загару
юноши в «треугольниках», сделанных
из старых газет.

Вернувшись через некоторое
время в бригаду Федединой, я
глухой ночью выехал с трактор-
ной степи. К началу эле-
мента, в предрассветной мгле
можно было уже разглядеть сви-
ские бородачи вспаханной за ночь
земли.

Девушки дорожили каждой ми-
нуткой. Они и завтракали и обе-
дали в степи. Их трудовой порыв
был очень высок. Недаром та
комсомольская бригада трижды
замоновала переходящие Крас-
ной звезды крайкома партии.

Утром на Барнаула вернулась
Валя Федединая. Она приехала на
мотоцикле, которым премирова-

Вверху: портрет счетовода колхоза «ХИ лет Октябрь», Огулдайского района, Нарандаев; внизу: портрет бригадира тракторной бригады Бобковской МТС Валентины Федединой.

ла бригаду машинно-тракторная
станция. Поражали исключительная
подвижность этой хрупкой на
вид девушки, ее энергия и воля.
Валя поспевала всюду, где требо-
валось ее присутствие, ее влече-
тельность.

Энтузиазм молодежи глубоко
захватывал и вдохновлял.

В дальнейшем вместе со мной
по Алтаю ездил художник С. Дуд-
ник. С ним мы побывали в Огу-

дейском, Шебалинском, Кош-Агачском горных районах, где познакомились со знатными чабаними и охотниками.

Алтайцы, живущие далеко в горах, совершенно не чувствуют себя оторванными от многообразной жизни страны.

В семидесяти километрах от районного центра высоко в горах развернулось строительство хозяйственных зданий и благоустроенных домов для членов сельхозартели «ХИ» лет Октября.

В этом высокогорном колхозе С. Дудник написал портрет секретаря комсомольской организации артели, бригадира животноводческой бригады Палиной и «Смущающуюся девушку», а — табунщика Селибекова, участника Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, и известного животновода Анчинойсой.

— Автомобиль долго летал по крутым, труднопроходимым дорогам.

Преодолев два перевала — Семинский и наиболее крутой Чимтаманский, находящийся на высоте двух тысяч метров над уровнем моря, — мы вскоре приехали в Кош-Агачский район.

Как раз в это время в одном из колхозов-миллионеров, Мухор-Тархата, готовились отметить ежегодный традиционный Праздник пастуха. Рано утром с гор начали связываться на низкорослых сибирских лошадках животноводы в нарядной национальной одежде, в ярких шапках, отороченных мехом и украшенных разноцветными лентами. Из районного центра в колхоз доставили лавки на колесах; открылось множество ларьков.

Незабываемое впечатление оставили скачки и национальные игры, а также массовый обед под открытым небом, данный правлением колхоза по случаю праздника. После обеда колхозники выплывали дельги, заработанные на трудовые. Многие получили за полугодие по пять, десять и пятнадцать тысяч рублей, не считая натуроплаты.

Поездка в Кош-Агачский район в творческом отношении была наиболее плодотворной. Здесь мною были написаны портреты знатных людей сельхозартели Мухор-Тархата — бригадира Уванчинойсой, чабана Нагаймановой,

Вверху: портрет бригадира животноводческой бригады Татьяны Уванчинойсой; слева: «Алтай. Горный пейзаж».

матери-героини Ачубаевой из колхоза Кзыл-Тан.

После поездки в горы Алтай я снова встретился с Валентиной Федяниной, и мне наконец удалось завершить начатый портрет. Ряд работ, созданных С. Дудником и мною на целинных землях, экспонируется на Всесоюзной художественной выставке 1954 года.

Художника, который хотя бы однажды увидел чарующую прелесть алтайской природы, обязательно снова потянет в эти далекие, но милые сердцу края, где волей советских людей пробуждаются к жизни огромные пространства целинных и залежных земель.

Летом я снова поеду на Алтай. Я мечтаю создать картину, посвященную трудовым будням героев целинных земель.

1.

В РОДНОМ КИТАЕ

...Такой дворик китайского дома, затерявшегося в узеньких переулках, напомнил мне о многих других таких же родных и близких сердцу домах, о моем доме. Теперь у каждого дома в Китае, у каждой улицы любого города страны большая судьба.

И вот молодой рабочий читает газету. А ведь в старом Китае образование являлось привилегией богатеев, и ни для каждого такого мальчика была тайной, расширяющейся только перед «избранными».

Посмотрите на этого мальчика в пионерском галстуке. Как бережно принимает он и груди книги! Как смело смотрит вперед! Он знает, теперь ему открыты все пути, все дороги. А ведь в старом Китае образование являлось привилегией богатеев, и ни для каждого такого мальчика была тайной, расширяющейся только перед «избранными».

А вот молодой рабочий читает газету. Это тоже новый Китай. Раньше рабочий не умел читать и никогда не брал в руки газет. Он знал: там пишут для богатых. Теперь другое дело. Став хозяином страны, он хочет знать все: как живут его товарищи в дальнем районе, каковы успехи на соседнем предприятии, что делается в других странах мира.

Великие преобразования раскрепостили творческие силы народа. Пять лет назад Гао Юн-боо не знал ни одного иероглифа, а сейчас он стал писателем, и произведения его известны в Китае любому школьнику.

Разве могли мои родители в прошлом хотя бы подумать, что их сын получит высшее образование! Даже в школу и то они не имели возможности отправить своих детей: не хватало средств. А теперь все мои братья учатся. Сам я занимаюсь в Московском университете — лучшем университете мира. Вот как шагнула вперед жизнь!

И глядя на эти рисунки, я думаю: кто знает, может быть, через несколько лет этот паренек, которого мы видим с книгами подмышкой, станет знаменитым ученым — геологом, машинистом, металлургом — или писателем, а молодой рабочий — руководителем крупной конструкторской в стране. Ведь все условия для этого есть, и никакие дороги нам сейчас не закрыты.

Ли Кэ,
студент Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова.

2.

3.

Здесь мы воспроизводим рисунки художницы Л. Кассис:
 1. Дворик китайского дома. Резные ворота, двери, карниз — все поражает нас высоким искусством и трудолюбием. 2. Пионер Чжан Го-му собрался в школу. 3. Если шофер Хоу Шу-куай не занят с машиной, то его наверняка можно застать за чтением газет или книг. Изюм для него попомянет свои знания. 4. Маленькие любители полакомиться восторженно встретили разносчика сладостей. 5. Одна из улиц в Пекине. 6. Малышу Чжан Го-шу всего десять лет. Он, как и его брат Чжан Го-му (рис. 2), учится в школе.

4.

5.

6.

ЗЕМЛЯЧКА

Говорят, солдатам срочной службы
Всё не положено грустить.
Знает это и Степан Калюжный,
Но не знает парень, как же быть!

Девушку-землячку повстречал он
В выходной у тихого пруда,
И трезвонно сердце застучало,
Так оно не билось никогда.

Парень не лишился аппетита,
Да и спит здоровым, прелевым сном.
На мнущих яблочко пробито
Снайпера Калюжного огнем.

Но порой — о ком, судите сами —
Загрустит Калюжный, и тогда
Девушку с веселыми глазами
Видит он у тихого пруда.

Впрочем, скоро снова восприсемьё,
Будет ясным день наверняка.
Он опять получит увольнение
Из расположения поляка.

И они пойдут, как прежде, рядом...
Юность вспомнить, строгий старшина
Долго провожат их будет взглядом,
Стоя у открытого окна.

НА ШАХМАТНОМ МАТЧЕ
В НЬЮ-ЙорКЕ...

На шахматном матче в Нью-Йорке
Борьба и остра и сложна.
Дымит молчанье мажорной,
Не спит допоздна старшина.

И диктора каждое слово
Сегодня так слышит так,
Как будто бы кони Самслова
В огне настоящих атак.

И ночь напролет, до утра бы
Мог слушать Москву старшина,
Хотя он лишь в ротном масштабе
За все отвечает сполна;

Хотя ему завтра, я знаю,
Идти по беззвонному степам.
Но я старшину понимаю:
Такой, между прочим, я сам.

СОЛДАТ ЧИТАЛ
«БОРОДНИК»...

Образоваться в облаках оно,
Казалось, солнце выплыло из пены.
Солдат читал «Бородник»
С трехтонки, как со сцены.

Расположившись на траве, на пнях —
Обычные удобства на привале,
— Солдаты с автоматами в руках
Чтецу-однополчанину внимают.

Солдат читал, и стик входил в сердца,
Звучая все громче голос хриповатый.

Мы ощутили мастерство чтеца
И силу русского солдата.

НА ВКЛАДКЕ: Юные рыболовы.

Фото Г. Макарова.

«КАК БЫ ЧЕГО НЕ НАМУДРИЛИ...»

В.Л. КОРНИЛОВ

Комитет комсомола Сорновского судостроительного завода размещается в двух комнатах. Одна — размером с небольшой кинозал — кабинет секретаря. Другая — по площади равно кабинету, но разделена стеклянной перегородкой. В первой половине сидят машинистка и зав. учетом, во второй — у огромного, во всю стену окна расположились товарищ Золотенин.

Это маленький, начинающий лысеть молодой человек с мелкими, но приятными чертами лица. На вид ему лет двадцать пять. Работает он инструктором комитета комсомола. Поддерживать голову ладонями, Золотенин слушает немолодую женщину — воспитательницу одного из заводских молодежных объединений.

— ...и постановили подготовить лекцию на тему «Что такое красота и культура», — говорит женщина. — Так не согласитесь ли вы, Сергей Федорович!..

— Да, серьезная тема, — как бы нехотя растягивает слова Золотенин. До этой фразы он слушал воспитательницу невнимательно, а теперь нужно что-то ответить, и он добавляет: — Конечно, очень серьезная тема. К ней, если даже не работать — готовиться только! — и то с полемсика потребуется. Ведь сколько перчитать литературы нужно! А у меня работы не оберешься!

Он кивает из стол, и, хотя там нет ничего, кроме подставки заводской мотоигроки «Красный сорновича, кивок его настолько внушительен, что женщина смущается. Она, видимо, не предполагала, что основная «работа» Золотенина заключается в этом сидении за столом. После паузы воспитательница все же просит инструктора:

— Нет, вы пойте, Сергей Федорович!.. Нам не нужно очень глубокой, научной лекции. У нас ребята шестнадцатые — семнадцатые лет. На них я осматривала их тумбочки: некоторые держат сахар и хлеб рядом с бутылками. Иные сверснослыет. Я говорю им: «Это нехорошо, некультурно!» А они мне в ответ: «А что такое красота?» Вот мы и решили на собрании, что нужно устроить такой вечер, чтобы сначала прочла нам лекцию о красоте и культуре, а потом уже ребята выступили... Я бы сама прочла эту лекцию, но

я все время с ребятами, и они бы охотнее послушали свежего человека.

— Нет у нас на заводе такого человека, — проносит Золотенин твердо, слово речь идет о деле, раз навсегда решено! — И прежде чем назначать лекцию, следовало бы вам посоветоваться со мной. Где я вам возьму лектора?

— А ты попроси редактора «Сорновича», — говорит сидящий в той же комнате темноволосый парень, одетый в куртку с меховым воротником. Он пришел и Золотенину раньше воспитательницы и, видимо, еще не успел разрешить все свои вопросы. Это Юрий Плещев, комсорг одного из филиалов завода.

Лицо воспитательницы покраснело: видимо, предложение Плещева показалось ей дельным. Но золотенинскому самолюбию это предложение трудно принять, и в то же время инструктор не находит довода его опровергнуть. Пробормотав нечто неопределенное, вроде: «Ну ладно, что-нибудь придумаем», — Золотенин для подпитки собственного авторитета переходит в наступление.

— Лекция лекцией, — говорит он воспитательнице, — но вообще-то работа поставлена у вас слабо. Не вижу я вашей работы!..

Женщина пытается оправдаться и точно-точно повторяет все то, что говорила четверть часа назад, когда инструктор слушал ее невнимательно.

— И вот еще, совсем забыла, — добавляет она, — делаем монтаж на праздничном диком. Подбираем хорошие тексты, репродуцируем...
— Монтаж! — перебивает женщину Золотенин. — Нужно еще посмотреть, как бы вы там чего не намудрили.

Говорит он самоуверенно, и улыбка у него при этом такая многозначительная, словно он, Золотенин, по крайней мере лет двадцать расхваливал «премудрости» ошибающихся товарищей.

Я смотрю на сидящих в комнате комсомольцев. Выражение их лиц такое, как будто ничего особенного не происходит. Видимо, мы привыкли и подобным репликам инструктора. Только на лице воспитательницы молодого объединения застыла беспомощная улыбка...

А над золотенинскими фразой стояло бы приздумать. И я невольно подумал, что когда-нибудь Золотенин пожалует, что в этот момент не выйдет из-за стола, не наден пальто, шапку и галстук, чтобы дойти до общежития, поспать, как и кому-то ребята, помыть им и со стезгающей и с монтажем, именно помочь, а не запугивать по-близковски осторожной фразой: «Как бы чего не намудрили!»

Конечно, смелый человек сразу поднимал бы Золотенина на смех, но тут я почувствовал, что этого не будет. Робкая воспитательница молодого общежития подбадривает инструктора и уходит. На предложение провести вечер она теперь не отклоняется, ни на какие монтажи не «поддастся», а номера стеновой газеты, прежде чем вывешивать в коридоре, будет скатывать в трубочку и носить в комитет комсомола на проверку товарищу Золотенину. Если уж Золотенин одобряет, то сомнения по поводу праздничного монтажа, то со стезгающей тем более можно «намудрить»...

Когда воспитательница прощлась с инструктором, в комнату вошли двое ребят.

— Мы к вам,— обратились они к Золотенину.

— В чем дело?

— Вот с учета сняться хотим, в другой цех перебраться,— говорит белохитрый паренек, по виду старший. Оба парня мнут в руках шапки, выражение их лиц виновато.

— Идите за мной!— словно узнав что-то неладное, командует Золотенин и уводит ребят в кабинет секретаря.

Кабинет пуст. Секретарь болует второй день, и ребята уведены туда не столько ради выяснения обстоятельств, сколько от посторонних глаз. К явлению недовольства инструктором являюся в кабинет и сажусь напротив ребят. Оба они смещают красные щечки, но в этот разряда в управлении капитального строительства Соромского завода. Именно «мешаются», так как двадцать семь дней они не выходили на работу.

— Не же вы были!

— Домой ездили.

Ребята в один голос жалуются на мастера: неправильно выписывают на нарядах.

— Одни получают много, а мы работаем не меньше и не хуже, а получаем мало.

Золотенин уловив суть, говорит, что с выпиской нарядов в управлении капитального строительства действительно существуют неполадки, но браться за производство нельзя. Ребята не соглашались с доводами и снова во всем обвиняют мастера.

Золотенин слушает молодых кровельщиков и вдруг принимает неожиданное решение: попытаться скрыть факт двадцатичемидневного прогула кровельщиков.

Идите, просите прощения у мастера,— говорит он ребятами в саах потогорно с ним. Потом разберется с нарядцами.

Ребята упрямо, но по всему видно, что в конце концов согласятся и пойдут просить прощения, а положение с нарядцами так и не выяснится...

Лучше всего было бы инструктору пойти в управление капитального строительства, на месте разобраться во всем, может быть, добиться порядка с распределением нарядов и их оплатой. Правда, на первый взгляд эти вопросы не входят в задачу комсомольского работника. Однако ведь ведь все случившееся в арматурном цехе, когда комсомольцы решительно вмешались в дела администрации.

Молодые токари этого цеха зарбатывали мало и их не считали свей разряд. С распределением нарядов также была полная неразбериха. Порой молодые токари оказывались загружены сверх меры, а в иные дни они получали задания, которые выполняли в полтора—два часа, а в то и вовсе никаких заданий не получали...

Комсомольцы арматурного цеха забели тревогу. Заводской комитет комсомола подержал их и довел дело до конца. Начальник арматурного цеха был снят с работы, мастера, виновные в неправильном распределении нарядов, наказаны. Все молодые рабочие получили инструмент и тумбочки для его хранения. И результаты не замедлили сказаться: зароботки выросли вдвое, второе.

Но это было в арматурном цехе, а Золотенин бонтается оторваться от своего брата...

...Пока инструктор уговаривает ребят, в соседней комнате комсоргу Плещеву удается «захватить» случайно зашедшего сюда председателя заводской организации ДОСААФ Землякова.

— Как нам подготовить шоферов третьего класса?— спрашивает Плещев.— У нас человек двадцать желающих...

— Что ж, подготовить можно,— отвечает председатель,— только экзаменов у них не примут.

И он пространно объясняет, почему экзаменов не примут: нет на заводе людей, которые имеют право готовить шоферов; шоферов-любителей,— пожалуй, а шоферов с классом — земляков знает все порядком и разговаривает спокойно, с веселой улыбкой, так, что даже обижаться на него нельзя. Вернувшись к своему столу, Золотенин одобительно кивает головой: мол, правильно, только отказывайтесь, зная свое дело.

Но упорный Плещев не очень верит этим разъяснениям и хорошо делает, что не верит.

Давать советы, не сходя с места,— это стиль работы товарища Золотенина. Уже давнее его энергия направлена на выполнение тех или иных насущных задач, проведение полезных мероприятий, а на выяснение сколько-нибудь весомых доказательств того, что такое-то задание выполнить нельзя, такое-то мероприятие провести невозможно. Не вообще «нельзя», не вообще «невозможно» — товарищ Золотенин знает, что невозможных вещей нет! А «нельзя», «невозможно» в данных условиях, в данную минуту, по отношению к Золотенину не имеет никакого дела; потому что он уже отвык от жмывой комсомольской работы и «принял» к своему столу.

Порой слышишь, как комсомольский работник анализирует на бесконечно комсомольцев, на то, что ему приходится «слишком заниматься на проведение мероприятий». Говорит он при этом так красноречиво, что поневоле веришь ему. А если взять на поверку, то иногда получается наоборот: комсомольцы приходится таянуть своего секретаря или инструктора, уже давно живущих по формуле «как бы чего не намудрили». Этих руководителей интересует не суть комсомольской работы, а лишь форма. И болельщики, и болельщицы, они любят заниматься цифрами. Это легко. «Комсомольскими порунами охвачено столько-то комсомольцев... В школах рабочей молодежи обучается столько-то... Давно спортивные нормы на третий разряд столько-то». А как выполняются поручения, как участвуют рабочие в школах, как сдавали на разряд, не натягивал ли тренер баллы,— это им не интересно. Начинают они свешиваться то вперед, то назад, когда услышат, что кто-то сдал доклад или культпоход, что такой-то на экзамене таянул два билета и все равно срезался, что такой-то поделал на соревнованиях за два часа манаду... А поскольку такие комсомольцы руководят, то и в дальнейшем не хотят жить спокойной, то на первых порах они стараются скрыть, замазать случившущееся неприязнью. Если же это не удается, объясняют все всуеушностью, что они все предвидели и спланировали, что они все заранее предупредили, как бы, мол, чего не намудрили, но их, видите ли, не послушали. Слов нет, для людей, не желающих работать, формула «как бы чего не намудрили» очень удобная.

ОТ РЕДАКЦИИ

Вопрос о формализме в комсомольской работе о своеобразности «чужаества» не раз поднимался на собраниях молодежи.

Статья «Как бы чего не намудрили...» не охватывает всех сторон работы комсомольцев, но, тем не менее, тех инцидентов, которые в ряде случаев мешают комсомольской жизни,— «забыть ключом», гадать инициативу учителя, не вовремя вылезать на глаза, не глядя, стаять стаять правильно.

Молодые, вы встречали золотенинских с их удобной во всех отношениях формулой «как бы чего не намудрили» не только на соревнованиях? А может быть, прочитав эту статью, вы почувствуете необходимость поговорить и о других вопросах комсомольской жизни?

Редакция просит написать об этом.

«Левая» работа

Рассказ

давно, когда Генка был еще совсем маленьким, мать разбила зеркало. Осколок зеркальной стелки, уже сильно потускневший, до сих пор стоит на полочке в прихожей. Уходя в ремесленное училище, Генка всякий раз заглядывает в него.

Вот и сейчас он смотрит в зеркало. Ему не нравится, что форменная фуражка закрывает лоб и от этого лицо кажется совсем круглым. Генка пытается установить козирек чуть немого выносок, однако новенькая, «необжитая» фуражка не поддается. Генка выдыхает. Нет, как ни крути, а лицо у него, точно так.

— На практику?— спрашивает Генка: «Ага», машинально отвечает Генка: в мыслях он уже на улице.

Генка хлопает дверью и широко шагает по пружинистому снегу.

Вот и трамвайная остановка. Парнишка входит в вагон, садится у окна и дождь едет по улицам, издавая выходящие сквозз заиндевающие стекла.

По утрам у города свои жители. Дворники стучат скреками по обледенелым тротуарам: пока движение еще невелико, для миллионов солился на середине улицы и рассказывают о чем-то друг другу. Трамвай обгоняет автофургоны, на кузове которого нарисована большая коричневая колбаса, а под самой крышей желтыми буквами написано: «Мясоз». Генке не нравится рисунок. Он бы нарисовал лучше... Если бы кто-нибудь знал, как он сегодня счастлив! Конечно, приятно ответить урок на потерю или забить мяч в ворота противника, но стать рабочим, своими собственными руками создавать машины или строить дом— это уже настоящее счастье!

Генка будет работать с газовыми приборами. Он отчетливо представляет, как начнет обходить порученные ему квартиры. Вот он входит в кухню и на зависть всем присутствующим сам, без посторонней помощи регулирует газовые приборы и чистит горелки. «Есть у вас инструкция пользования газовыми приборами?»— спрашивает Генка.— Знать ли вы инструкцию? И всюду что будут хвалить и говорить: «Спасибо большое», «Пожалуйста».

— Клубная!— звонко кричит кондуктор, молоденькая девушка в ватнике и пуховом платке.

Он давно смотрит на Генку, и он несильно начинает вспоминать, в каком кармане лежит трамвайный билет. В шинели его не оказывается. Нанушала шероховатую бумажку за ремешком фуражки, Генка говорит кондуктору:

— А я знаю,— улыбается девушка.— Вы с моим трамваем чета едите. Только раньше вы у Клубной выходили...

— Это раньше я в училище был, теперь работаю,— спокойно объясняет Генка, а в мыслях мелькает: «Заметила, что я каждый день в ее трамвай сажусь».

— Красиво вас одевают,— говорит девушка.— Фуражка вам очень идет.

«Смеется она, что ли? Или говорит всерьез?» Генка почему-то становится тесно в шинели, и он необычно тоном громко прощается:

— До свидания!

— Вот и его остановка. Генка степенно идет по тротуару, хотя так хочется гикнуть на всю улицу и почматься своей головой. У него сегодня замечательный день — практики; и скоро он освоит ремесленное училище и станет знаменитым слесарем по газовым приборам.

У двери с черной табличкой «Седьмая контора треста Мосгаз» Генка не выдерживает и бросается бегом вверх по лестнице. Ночной дежурный еще не смеется. Глаза у него красные от усталости.

— Самое время сейчас послать, — мечтательно говорит он. — А ты чего так рано? На практику? Молодой, горючий, не терпится. — философствует дежурный, забыв, что недалеко назад ему самому исполнилось двадцать лет.

В конторе становится шумно. Чаше звонят телефоны. Наконец Генка вызывается в кабинет начальника конторы. Рядом с начальником сидит маленький человечек, глаза у него словно коричневые пуговицы, щеки морщинистые, а под носом торчат жесткие усы.

— Ну что ж, будем работать? — спрашивает начальник.

— Будем, — отвечает Генка.

— А это твой учитель, наш кадровый рабочий Федор Лаврович Савельев.

Генка молчит.

— Что, не нравилось я тебе? — говорит усталый.

— Нет, почему же! — дипломатично отвечает Генка.

Так они знакомятся. Через пять минут Федор Лаврович идет с Генкой по улице и говорит:

— Ты, милень, не беспокойся, я тебя всему научу. Будешь настоящим мастером. Водку пьешь?

— Нет.

— За девушками ухаживаешь?

— Нет, — краснеет Генка и почему-то вспоминает девушку-кондуктора.

Рисунки В. Дуленкова.

«Чего он спрашивает?» — досадует Генка про себя. Не замечая генкинго смущения, слесарь продолжает:

— Да... У меня не то, что в училище. Практика! — Последнее слово Федор Лаврович произносит с расстановкой. — Если чего не поймешь, спрашивай. Это не зазорно.

На плече у Федора Лавровича два новых галстука — подарок для смеши. Они постыкуются в такт его шагам.

— Давайте я понесу, — предлагает Генка и нажимает лямку со счетчиками себе на плечо.

Встретные, как ему кажется, смотрят теперь на него с уважением. Генка приятно чувствует себя рабочим человеком. Он идет на работу, и это кажущийся вид.

— Не тяжело?

— Нет, что вы! — Генка молодежато подтягивается.

Федор Лаврович присматривает за газовыми приборами в двух больших домах. Сколько у него знакушек! Только и слышится:

— Здравствуйте, Федор Лаврович! Как здоровье, Федор Лаврович?. Мое почтение, Федор Лаврович!.

А на Генку никто не обращает внимания, даже обидно. Они ходят из квартир в квартиру, осматривают газовые плиты и колонки, проверяют счетчики. В четвертой по счету квартире Федор Лаврович задерживается. Желтый на ярком халате, разрисованном птицами, усаживает слесаря на табуретку и жалобно сообщает:

— У нас испортилась ванная.

Федор Лаврович проходит в ванную комнату. Генка не может отвести взгляда от яркого халата.

— Какие это птицы нарисованы? Цапли? — спрашивает он.

— Гусь цапли?

Но разговор прерывается: из ванной появляется Федор Лаврович; лицо его чем-то озабочено, он разводит руками и сообщает хозяйке:

— Змеевик надо бы сместить...

— Да уж делайте что хотите, лишь бы ванная работала.

Генка стоит на пороге, а Федор Лаврович, засучив рукава, копается во внутренних колонках.

— Вот и готово! — говорит он вскоре.

Генка удивляется: ведь Федор Лаврович не менял змеевик. А слесарь подмигивает Генке:

«Вот, мол, тебе и практика!»

Федор Лаврович прощается. Морщины на его лице становятся еще мельче, он улыбается, благодарит, торопится побыстрее уйти. На лестнице слесарь достает из кармана десять рублей и протягивает Генке.

— Вот и заработал, — весело говорит он. — Хорошая хозяйка, дай ей бог здоровья. Прошлый раз даже утощала меня чашем с тортом. Я, конечно, не отказался.

— От чаевого? — хмурится Генка.

— Ну хоть бы и от чаевого, — повторяет Федор Лаврович с изыском. — Я время потратил, пользу принес, не грек за это тридцать копеек получить. Мал ты еще меня поучить! Тебя и на свете не было, а я уже газовые фонари заказал. — Федор Лаврович поднимает желтый от никотина ваяет. — До революции дело было. А ты меня учишь, старина! За работу не стоило денег брать. Это не морально. Только хурак от заработанного откажется. «Левая работа» — только и всего.

— А вот я денег не возьму, — говорит Генка.

— Ты что же, с первого дня поспорить хочешь? — с укором спрашивает слесарь. — Не хорошо, учителя не уважаешь. Ну ладно, помялась, хвати.

Федор Лаврович сует десятку в генкин карман.

Вернувшись в контору, он опять заходит к начальнику.

— Ну, как ученик? — спрашивает начальник.

— Толковый малец!

Но похвала слесаря не радует Генку. Его не оставляет мысль о деньгах, заработанных таким несчастным путем. «Когда выйдем из конторы, верну ему эту десятку», — решает он. Но Федор Лаврович неожиданно исчезает, и Генке исподволь приходится оставить деньги у себя.

На улице идет снег. Ветер подхватывает легкие, сухие звездочки и с размаху кидает в лицо. Генка трет щеки. «Не снег, а металли-

ческая стружка!» Рядом, глухо позвякивая, пробагает трамвай. Генка с грустью смотрит на ярко освещенный вагон. Не хочется сейчас садиться в трамвай, не хочется встретиться с девушкой-кондуктором. А почему. Генка сам не знает. Не хочется — и все.

«Надо отдать деньги Федору Лавровичу», — думает Генка. — Отдать и сказать... Но что сказать? Что я честный человек и не хочу делать «левую работу»? Но Федор Лаврович уверяет, что ничего зазорного в этом нет. Все будет бы так делают, а чем Генка лучше других?»

Мать уже давно стоит у ворот, поджидая Генку. Ей хочется поскорее увидеть сына, по-

здравить с первым рабочим днем. Потом Генка обедает. Мать заболитно наливает ему суп.

— Устал? — спрашивает она.

— Нет, — коротко отвечает Генка, сжимая в левой руке десятку.

— Бери ложку, а то суп остынет, — просят мать.

— Мама, вот десять рублей. — Генка разжимает кулак, и на стол падает скомящаяся десятка. Слова «заработал» он произнести не может.

Мать изволнована.

— Я тебе на них подарок куплю, — говорит она. — Ручку самонапишущую.

После обеда Генка пробует читать, но из этого ничего не получается. Тогда он надевает шинель и отправляется бесцельно бродить по приоткрытым заснеженным переулкам.

Возвращается Генка поздно. Мать еще не спит — ждет ему носки.

— Слышь, сынок, — говорит она, — какая неприятность вышла.

Генка удивленно смотрит на мать.

— Слесаря вызывали. Труба засорилась. Колодезь какое-то надо было сместить. А соседка говорит мне: «Если не отблаторишь, не на совете сделаешь». Я хотела вам дать твою десятку. А он говорит: «За что обижаете рабочего человека?» И новое колодезь поставил...

Генка не отвечает. На душе у него становится совсем скверно. Как нехорошо получилось! Так ждал он первого дня работы — и вот дождался. Хотел стать знаменитым слесарем, а сделался вятчиком. И не «спасибо» ему говорит, а чаевого дает... Нет, обязательно надо занять у кого-нибудь десять рублей и отдать Федору Лавровичу.

Ц. ГОЛОДНЫЙ

Молодежь побеждает чемпионов

Виктор ЧУКАРИН,

заслуженный мастер спорта СССР, абсолютный чемпион мира и XV Олимпийских игр.

За последние годы я не помню такого пребывания страны, где бы молодые гимнасты не блистали своим великолепным мастерством. Так было и на последних соревнованиях в Харькове. Молодой атлетизма Борис Шахлин завоевал звание абсолютного чемпиона СССР, оставив позади двух чемпионов мира (в том числе и меня), нескольких чемпионов страны и заслуженных мастеров спорта. Он продемонстрировал огромную выдержку, силу, выносливость, блестяще выполнил сложнейшие комбинации на перекладине, кольцах, брусьях.

Победитель соревнований на «Кубок Европы» В. Шахлин уверенно работает на мюне.

Для многих побед Бориса Шахлина была неожиданной: ведь всего лишь год назад мало кто в спортивных кругах слышал о нем.

Некоторые любители спорта спрашивали меня: «Как удалось Шахлину добиться таких поразительных результатов?.. Вероятно, стать гимнастом не такое уж трудное дело.»

Я понимаю этих товарищей. Их обманула та видимая легкость, с какой Шахлин выполнял самые трудные упражнения. Они не знали, сколько труда стоил молодому мастеру успех.

Борис Шахлин начал тренировки еще в Ишимской школе под руководством заслуженного мастера спорта В. Порфирьева, продолжил тренировки в Киеве и сейчас очень много работает.

Те, кому приходится присутствовать на тренировках ведущих гимнастов, хорошо понимают, что гимнастами не рождаются, а ими становятся.

Еще в юношеские годы мне доводилось присутствовать на тренировках Александра Ибрагимова, бывшего в то время чемпионом страны.

Каждый вечер можно было его видеть в гимнастическом зале, а перед соревнованиями он тренировался дважды в день. Я понял тогда, что только настойчивый, напряженный труд рождает чемпионов. Сознание этого помогло мне добиться успехов. Но я и сейчас сожалело, что поздравлять начал заниматься гимнастикой — с семнадцати лет.

От всей души хочется посоветовать юношам и девушкам со школьной скамьи уделять тренировкам самое серьезное внимание. Чем раньше человек переступит порог гимнастиче-

Абсолютная чемпионка страны С. Муратов выполняет упражнение на кольцах.

ского зала, тем скорее добьется настоящего успеха. Перефразируя известную поговорку, можно сказать, что каждый школьник носит в своем ранце медаль чемпиона. Ведь почти все мастера спорта начинали свой путь в гимнастических секциях начальных школ. В московской школе № 338 несколько лет назад стали тренироваться юноши Жени Корольков и Валия Муратов. Теперь они заслуженные мастера спорта.

Лет семь назад трудно было поверить, что Валентин Муратов, худощавый, не очень сильный на вид юноша, вскоре станет строжею для нас, чемпионов. Присущие Муратову трудолюбие и выносливость, выработанные в тренировках, принесли молодому мастеру успех. Уже в 1950 году в состязании с гимнастами Венгрии он обогнал таких непобедимых чемпионов страны, как Николай Серый, Владимир Белков, Леонид Тимошек. Затем Муратов стал чемпионом СССР, а в прошлом году вместе со мной стал чемпионом мира.

Золотые медали чемпионов получили тогда в Риме и другие наши молодые мастера: Борис Шахлин, Иван Востриков, Альберт Азария, Сергей Джаниян, Лариса Дирий, Тамара Мавина, Тамара Жалева... Быстро растут в нашей стране молодые гимнасты!

Абсолютной чемпионкой мира среди женщин стала комсомолка Галина Рудько. Ее путь от чемпионки одной из таджикских школ до лучшей гимнастки мира таинствен для многих советских спортсменок. Лет пять назад Гаяля обратила на себя внимание пластичностью и изяществом движений. Вместе с аттестатом зрелости и свидетельством об окончании спортивной школы таджикского горно ей тогда вручили значок мастера спорта.

На первенстве страны по отдельным снарядам Рудько никогда не была ближе третьего —

Абсолютный чемпион мира В. Муратов делает соскок с перекладины.

Абсолютная чемпионка мира Г. Рудько в опорных прыжках демонстрирует высокую технику.

Чемпион мира А. Азария добился блестящего мастерства в упражнении на коячках.

четвертого места, а в Риме она показала высокое мастерство и прекрасные волевые качества, проявила себя как отличный турнирный боец.

О том, как высок класс наших рядовых спортсменов, свидетельствует и тот факт, что после первенства мира чемпионкой страны стала не Галина Рудько, а молодая гимнастка Софья Муратова.

Софья Подузова (ныне Муратова) увлекалась гимнастикой еще в годы Великой Отечественной войны. Уже через год ее включили в сборную команду девушек. Два года спустя она выступала по группе мастеров. Однако ей не удалось добиться победы. Но это поражение стоило иных побед, если принять во внимание, что юная спортсменка проиграла не «кому-нибудь», а Галине Урбанович, семикратной чемпионке СССР.

Читатели, вероятно, знают о неудачах, постигших Тамару Маннину на соревнованиях в Риме. Но там же она дважды завоевала звание чемпионки мира — в волевых движениях и опорных прыжках.

Полтора года назад студентка Ленинградского института точной механики и оптики Тамара Маннина дебютировала на всесоюзных соревнованиях в Ленинграде. Когда начались упражнения на бревне, почти все были уверены, что первенство завоюет абсолютная чемпионка страны Генриетта Коновалова. Ее результат действительно был очень высок. Но вот к бревну подошла Тамара Маннина. Уверенно и легко выполняла она упражнения. Судьи дали ей высокую оценку, и Маннина стала чемпионкой

Советского Союза. Зрители особенно горячо аплодировали Маннинг: сравнительно недавно они видели ее на этой же спортивной арене в составе гимнастической группы Ленинградского Дворца пионеров.

Иностранные спортсмены, присутствовавшие на этих соревнованиях, отметили, что сила нашей советской гимнастики не только в ее лидерах, но и в том, что мы располагаем огромными резервами молодых мастеров. «Советские гимнастки были потрясающе сильны в Хельсинки», — заявила Лиза Орко, председатель женской технической комиссии международной федерации по гимнастике. — а теперь я увидела их достойную смену.

Многого мы вправе ждать от таких молодых гимнасток, как девятнадцатилетняя киевская студентка Лариса Дирий. На первенстве СССР в Свердловске она заняла... пятьдесят второе место, но не опустила рук, проявила исключительное упорство и вышла в первую шеренгу наших мастеров. Неизменный восторг зрителей вызывает чемпион мира по коячкам Альберт Азария, бывший молотобоец, ныне студент одного из ереванских вузов. Заметно растет спортивное мастерство Маргариты Петровой, Тамары Берсан, Бориса Гайды, Павла Стобова, Владимира Смолеского и многих других молодых гимнастов.

Гимнастика — самый любимый и самый распространенный вид спорта в нашей стране. Не менее двух миллионов юношей и девушек занимаются в гимнастических секциях. Этим и

Студентка Ленинградского института точной механики и оптики Т. Маннина, дважды завоевавшая звание чемпионки мира, заканчивает упражнение на брусках.

Фото Е. Умнова, Н. Волкова, В. Светланова.

объясняется то, что в чемпионате страны теперь участвует не 11 гимнастов, как это было на одном из первых соревнований, а 350—400 мастеров спорта.

Победы на спортивных соревнованиях принадлежат не одним гимнастам-мастерам, но и тем, кто на юношеских детских слетах вводит в мир организованных движений наших малышей, и тем, кто прививает гимнастическую культуру школьникам, и тем, кто на армейском плаву выводит на уровень холодов бойцов. Мы видим свою победу с каждым из них.

Гимнастику по праву называют «забуквой спорта». Бегун, преодолевающий расстояния на дорожке барьеры; лыжник, как птица, взлетающий с тремлины; прыгун, преодолевающий высоко поднятую планку; — каждый спортсмен нуждается в хорошей гимнастической подготовке. Нужна она и тебе, дорожке читателю, кем бы ты ни был: токарем на заводе или разведчиком везд, строителем или трактористом.

г. Львов.

Молодая спортсменка З. Рылова достигла высоких результатов в волевых гимнастических упражнениях.

ЭСИД—МАШИНА ПО ПРОВЕРКЕ ЛОЙЯЛЬНОСТИ

Рассказ

Рисунки Е. Ведерникова.

лвавший восемьсот энзимелпиро, остался на полке, бинающих мизгазмов. Буржуазия Америка не захотела признавать молодого поэта. Пресса выжилилась на Уитмена. Там не менее его удалось заставить признать демократической общественности страны. Подлинную оценку книге дал профессиональный американский публицист Генри Давна То, заявивший, что «Листья травы» — это «грудный глас тревожащего задушающий над американскими лагерями».

Первое издание «Листья травы» открывалось «Песней о себе» — поэтическим манифестом Уитмена, объясняющим замысел книги. Поэт говорил о листьях травы как о знаменитых людях в гримасе и в свободной одежде. «Это флаг моих чувств, согнанный эволюцией, — это трагедия надежды». В «Песне о себе» поэт вводит в американскую поэзию новую тематику, восстает труд рабочего, фермера, шил игратурнема. Почерпывая боевой дух своей поэзии, он заявляет, что его слова были «не гонимы», «остания, они заодно с безземлем», «с загорающимися», с теми, кто замыкает битву».

Стремясь к наиболее широкому охвату читателей, Уитмен выступал в «Листьях травы» как семейный новатор в области поэтической формы. Он пользуется своеобразным строем стихотворных строк, включая рифмы и классических размеров стиха.

В 1856 и 1860 года Уитмен выпустил еще два издания «Листья травы», включив в них ряд новых произведений, свидетельствующих о развитии его мотивов свободолюбия и борьбы против реакционеров и рабовладельцев. Особенно характерно в этом смысле поэма «Песня большой дороги», вышедшая в 1867 году.

В период гражданской войны поэт был санитаром в армии северян. Он писал в эти годы прекрасные послания, в которых, возмущаясь, воспевавшие подвиги народных масс, восторженно воспевающихся с армией плантаторов, Стихи Уитмена звучали то как похвала, признающая право на свободу, то как суровое напоминание о непоколебимых нравских бойцов. Стихи военных лет были изданы отдельной книгой «Битва за свободу», а затем включены в четвертое издание «Листья травы», вышедшее в 1867 году.

После окончания гражданской войны Уитмен быстро пошел к людям победы, завоеванной кровью рабочих и фермеров, воспеваясь крупная буржуазия. Поэт разочаровался в американской буржуазии демократии и навсегда расстался с идеями своего буржуазного идеализма. В его творчестве больше не встречается идеализма, возмущающая буржуазную Америку.

Из прозаических произведений Уитмена наиболее известность пользуются его знаменитые «Песни о себе», осуждающие дух стяжательства, царящий в капиталистической Америке. Большое внимание читателей находит между собой Уитмен, существовавший в цивилизованном мире.

Всю жизнь поэт оставался верен своим передовым взглядам. Поэтому нет уже сто лет его книги «Листья травы» находят все новых и новых читателей во всех странах мира. В России произведения Уитмена издавались неоднократно, внимание прогрессивной интеллигенции. Его творчество высоко ценится Лениным и Тургеневым, Горьким и Маяковским.

Отмечая столетие со дня выхода в свет первого издания «Листья травы», мы вспоминаем слова поэта: «Послушная моей мечте, я буду с вами в содружестве людей: сначала отдельных людей, а потом, в итоге, всех народов мира».

Поэзия Уолта Уитмена — великого гения жизни и свободы — дорога всем, кто крепит мир и дружбу между народами.

Я. ЗАСУРСКИЙ,

кандидат филологических наук

Р азгадки холесне седые бакеберды, профессор Элмер Б. Колман посмотрел сверху, выгнул стелка очко на переплющенный зал и обратился к собравшимся:

— Уважаемые коллеги!.. Вам, конечно, хорошо известно, что в нашей стране ведется серьезная работа по проверке лойяльности граждан. На первом этапе этой работы мы ограничивались поисками коммунистов, выключенных лиц, ми сочувствующих. Однако впоследствии было установлено, что антиамериканские идеи коренятся в головах многих людей, ничем не связанных с подпольными организациями, и плодятся, так сказать, совершенно самостоятельно.

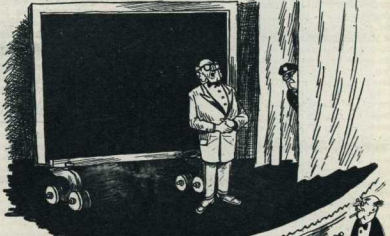
Все это, джентльмены, склонило Федеральное бюро расследований к тому, чтобы еще шире развернуть борьбу с антиамериканскими элементами. Но тут возникли серьезные трудности. Воде по мере того, как возрастает число допрашиваемых, должно неминуемо возрастать и число тех, кто их допрашивает. Откуда же, однако, взять уверенность, что и среди последних не окажется определенного числа лиц со скрытыми подпольными наклонностями? Чтобы изучить этот вопрос с всею научною точностью, ФБР создало психологическую лабораторию, известную под названием Федерального центра по проверке лойяльности, руководителем которого являюсь я.

Свою работу мы начали с составления таблиц. Система их зиждется на следующем: представ перед комиссией, человеком с подпольными наклонностями, естественно, старается скрыть свои подлинные убеждения. Поэтому задавать ему вопросы «Собираетесь ли свергнуть правительство Соединенных Штатов Америки?» — совершенно бесполезно. Более того, мы пришли к выводу, что такой субъект подкажет и не подозревает, как укреп-

пились в его сознании подпольные идеи, которые в определенный момент могут оказаться роковыми для Соединенных Штатов. После самого тщательного изучения удалось выяснить, что тайные антиамериканские мысли никогда не гнездятся в головах людей обособленно. Они самым тесным образом переплетаются с другими мыслями, на первый взгляд совершенно безобидными. Мы составили таблицы, насчитывающие три тысячи двадцать шестьдесят пять вопросов, определенных такого образом, что они не вызывают у допрашиваемого даже тени подозрения и позволяют получать ответы, в правдивости которых нельзя усомниться. Для того же, чтобы ускорить процесс определения подпольных элементов от лойяльных граждан и исключить возможность ошибок, которые неизбежны, если доктор ведет живой человек — ведь людям свойственно ошибаться,— мы при всемерной поддержке военного центра электронных вычислительных построили специальную машину по проверке лойяльности, представляющую собой электронный мозг нового типа. Машину свою мы назвали «Эсид», то есть электронный субстративный идеос детектор. Люди, подозреваемые нами в антиамериканской деятельности, помещаются в специальную кабину, после чего Эсид начинает задавать им вопросы: «Считаете ли ты, что при переливании крови можно смешивать негритскую кровь с кровью белых? Любите ли ты русские шифы?»

Уже, уважаемые джентльмены, примерные вопросы, на которые в подавляющем большинстве отвечают «да» люди со скрытыми подпольными наклонностями. А вот другой тип вопросов:

«Что такое атомная бомба?» Лойяльные граждане отвечают, что атомная бомба — это средство защиты западной цивилизации. Но о человеке, который от-

4 июля 1855 года в Бруклине, который не был еще тогда районом Нью-Йорка, вышла в свет необычная по виду книга стихов и прозы. Обложку ее украсили изображения цветов, листьев и трав, но имени автора не было указано. Рассказы книгу, читатель обращал внимание на портрет стройного, худощавого человека с бороздой, стоявшего в непринужденной позе мастера-ремесленника, на минуту оторвавшегося от работы. Это и был автор сборника — Уолт Уитмен (1819—1892). А книга его называлась «Листья травы».

Родился Уитмен в семье бедного рабочего. Нужда рано заставляла его начать трудовую жизнь. Одинадцатилетним мальчиком он был определен учеником в типографию и в течение нескольких лет работал наборщиком. Позднее Уитмен перешел в иную профессию: был слесарем, учителем, журналистом, плотником, чиновником...

В сорочковом галстуке Уитмен сочувствовал в различных газетах. Его статьи выдвигали протестом против угнетателей народа. Все яснее становилась для него необходимость решительной борьбы с рабовладельцами и плантаторами Юга. Уитмен присоединился к партии «Френчменеров», требовавшей бесплатного наделения землей фермеров и отмены рабства. Именно в это время у него соррал план создания книги стихов. Поэт выступал в газетах со статьями и стихами, бичующими плантаторов Юга и их друзей — капиталистов Севера, смело заявлял, что он готов отдать миллионы рабочих, фермеров и ремесленников.

В начале пятидесятых годов Уитмен зарабатывал на жизнь, плотничая вместе с отцом и братьями. Одновременно он писал стихи, составлявшие сборник «Листья травы». Поэт сам организовал типографский рабочий кабинет и печатать эту книгу, почти весь тираж первого издания «Листья травы» состав-

вечает, что атомная бомба является средством массового уничтожения, мы можем сказать, что он высказывает тайную мысль о сверхъестественном гравитателе. Чтобы уточнить это, наша машина задает такому индивидууму ряд дополнительных вопросов. Например:

— Любишь ли ты птиц? Нравится ли тебе голубые цветы? Любишь ли ты голубей?

Уважаемые коллеги, прошу вас обратить внимание на то, как по-разному и умело подобраны эти вопросы. Ведь допрашиваемый, даже в том случае, если он поймет политический смысл каждого вопроса и ответит на него «нет», разоблачает себя уже тем, что на два первых ответа «да». Выслушав ответы, наша машина производит оценку каждого из них и засчитывает допрашиваемому соответствующее число положительных или отрицательных пунктов. Поясню вам это примером.

Свои допрашиваемый с интересом перелистат у соседа какой-либо роман Льва Толстого, ему засчитывается один отрицательный пункт. Если он взлетит на книгу из библиотеки — два отрицательных пункта, а если имеет ее в собственном доме, получает сразу четыре отрицательных пункта. Но это не так, уважаемые коллеги, лишь половина задачи. Если бы наша машина не умела находить тонкие механические судьи, а была бы просто камертонистом, и задавала бы свои вопросы враз и навсегда установленном порядке. С этим, gentlemen, мы не могли согласиться, так как всякий, кто отвечает на них, знает, что на них правильные ответы, мог бы обмануть машину. Чтобы не допустить этого, наш Эсдэ задает вопросы в другом порядке, касающиеся конкретного явления, и некоторые предельно подозреваемые люди.

Одни из наших сотрудников, давая ответ, не соблюдают всю процедуру, отвечая на вопросы Эсды в течение двадцати девяти часов, ибо именно столько времени потребовалось для испытания, а прервать его было невозможно. Этого современного героя науки, который на самом себе проверил действие улучшенной модели своей машины, мы вынуждены были считать мертвым состоянием. Убедившись, что подобная процедура слишком сложна, мы решили сократить время проведения путем применения замечательного новшества, а именно так называемой системы поощрений и наказаний.

Суть ее заключается в том, что допрашиваемый, который путается в показаниях и сам себе противоречит, стараясь ввести в заблуждение машину, после соответствующего предупреждения получает электрический удар, болевший и неприятный, но почти безвредный для здоровья. Если же допрашиваемый отвечает коротко, четко и логично, то по истечении десяти минут он получает сигарету, затем жевательную резинку, а в середине допроса — стакан божественного напитка кока-кола.

Вас интересует, как мы определяем искренность ответов лица, подвергаемого допросу? Для этого имеются специальные приспособления, которые контролируют частоту пульса допрашиваемого, влажность его кожного покрова,

напряжения мускулов и даже тембр голоса. Нетрудно понять, что человек лояльный, которому нечего скрывать от Эсды, не мерцает, не потеет и не дрожит. Если же человек отвечает подобные вопросы, то подозревание в нежелательности допрашиваемого значительно усиливается.

Новая модель Эсды, о которой я имел честь вам доложить, не только определяет степень лояльности граждан, но и выносит справедливые приговоры, основанные на статистическом анализе за последние три года. В прошлом месяце принят специальный закон, согласно которому приговору, выносимому Эсдой, являются окончательными и обжалованию не подлежат.

Ежегодная конференция Общества инженеров электронного приборостроения закончилась блестящим банкетом в гостинице «Империаль».

После обильного ужина за одним из подожженных столов, который занимало около триста двадцать участников конференции разбрелся по зданию гостиницы.

В курительной комнате было сравнительно тихо. Под высокими пальмами сидело несколько мужчин, окутанных голубым дымком, они вели разговорю беседу. Среди них молодой профессор Кольман был очарован тишиной этого уютного уголка и с наслаждением погрузился в глубокое мягкое кресло. Кольман, один из самых серьезных номинантов своего круга, рядом с ним появился услужливый кельнер и подал ему рюмку с вишневым ликером. Кольман с интересом почувствовал, как слезка закружилась и наполнилась легким, радостным шумом.

По мере того как осуществлял все большее количество исследований, он с удовольствием овладевал наукой всеобщей меланхолии. Говорили о том, как благодаря проверке лояльности прошла карьера многих молодых, подававших надежды ученых, вспоминали старейших профессоров, изгнанных из университетских лабораторий за одно неосторожное слово, нечаянно сказанное, и сдержанные жертвами анонимных доносов и влпавших в нищету. Каждый из присутствующих мог без труда назвать нечто подобной. И в это время молчал. Он хранил молчанье до тех пор, пока не осушил залпом бокал, поданный ему кельнером. Последний, энергичным жестом прервал разговор, стоваясь своего соседа и громко заявил:

— Дивитесь! Теперь все эти трюки, эти обшпиги и горькие недоразумения относятся уже к безвозвратному прошлому! Приближается зорь новая эпоха, эпоха великого прогресса, и уже не надо будет ликвидировать все судорожное и даже Федеральное бюро расследований, как учреждение совершенно ненужное! Справедливости ради надо отметить, что великого американского общества Лояльных граждан США, на которого упала черная тень небосводного подозревания, не выйдут из кабинэ Эсды с ореолом невинности на челе...

Тут почтенный профессор затупил, широко развел руками, опустив голову на грудь, и начал жевать глотком вина. Обо всем, что

произошло впоследствии, он имел весьма смутное представление...

Профессор разбудил крепкий толчок. Он открыл глаза и увидел, что лежит на деревянных нарах в небольшой комнате без окон. Вместо дверей была железная решетка. Над ним стоял крепкий мужчина в мундире и форменной фуражке.

— Пронсун! — сказал мужчина, не переставая что-то жевать. — Тогда поехали!

— Куда я попал! — прокричал профессор Кольман. Голова у него трещала, пересохший язык почти не ворочался во рту.

— Пошли, пошли, там узнаешь! — проворчал мужчина в мундире и там умело скатил профессора за плечо, что тот сразу вскочил на ноги. Вскоре он очутился в большой солнечной комнате перед длинным столом, за которым сидел высокий человек в очках.

— Фамилия! — спросил человек, не отрывая взгляда от бумаг. — Кольман, профессор Кольман... Скажите, ради бога, что все это значит!

— Вопросы здесь задаю я! — сурово ответил человек в очках. — Вы принадлежите к коммунистической партии?

— Я! — ужаснулся Кольман. — Я работаю...

— Вас никто не спрашивает, где вы работаете... Итак, вы не желаете признаться? Отлично... Человек за письменным столом нажал кнопку звонка. В комнату ввалился стражник, который доставил сюда профессора.

— На допрос! — приказал ему мужчина в очках.

Не прошло и нескольких секунд, как профессор оказался в маленькой кабинке, втолкнули в маленькую кабинку.

— Эсдэ! — заулыбано пробормотал он.

Дверца захлопнулась, и автоматический рычаг Эсды толкнул его на пробковый стул. В темноте загорелась надпись:

«тебе будут задаваться вопросы. Ты должен отвечать на них честно, ничего не скрывая. Если ты начнешь лгать, будешь наказан. Если станешь говорить правду, получишь награду».

Затрещал автоматический репродуктор, в кабине стало немного светлее, и машина начала задавать вопросы.

Кольман отвечал, стараясь предотвратить дрожание голоса, так как знал, что за это засчитывается один отрицательный пункт.

— Читаете ли ты газеты? — спросил Эсда.

— Да... ответил профессор.

— Есть ли у тебя дома фотографии борющихся людей?

— Нет, нет!

— Что ты любишь больше всего?

— Бизнес.

Вплоть до этого вопроса все шло прекрасно. Профессор успокоился и испытывал даже некоторое удовольствие от этого молниеносного допроса. Кольман во всем и не думал говорить правды, так как в это время допрос Эсдэ засчитывался на четыре пункта положительными ответами. Но вот быстрый поток вопросов и ответов был нарушен Эсдой:

— Ты был 27 октября в 23 часа 35 минут вечера?

— Я... я должен заглянуть в свою записную книжку... пробормотал Кольман, стараясь дотянуться рукой до кармана. Обнаж-

тые резной стальные кольца, плотно облегающие руки профессора, помешали ему это сделать.

— Говори, где ты был 27 октября в 23 часа 35 минут вечера? — повторила машина низким басом, в котором зазвучали металлические ноты.

— Я... я не помню! — крикнул Кольман.

— Это было вчера. Не страдаешь ли ты расценимостью?

— Нет!

— Что ты делал 27 октября в 23 часа 35 минут вечера?

— Я выступал с докладом...

— Дело вовсе не в этом. Не упоминала ли ты машина басом, и Кольман попускавал, что по телу у него побегали мурашки... Твой доклад кончился задолго до этого времени. Ты разговаривал тогда в курительной комнате гостиницы «Империаль» с пятью мужчинами. Кто были эти люди?

— Да так... коллеги... ученые... инженеры...

— Не упоминай... кем были они с политической точки зрения? Не были ли они красными?

— Нет, нет, нет!

— Откуда тебе известно, кто нет? Значит, ты лжешь. Я должен тебе предостеречь. В следующий раз ты будешь наказан. О чем ты говоришь с этими людьми!

— Не упоминай, что значит кто тебе? О каком тебе? Говори, иначе ты будешь наказан.

— А что... — простонал Кольман и тут же подумал, что за это засчитывается шесть отрицательных пунктов, так как призывает господа лишь те, кто испытывают угрызения совести... Я говорил с ними об Эсде, то есть о тебе... о машине, предназначенной для проверки лояльности...

— По какому праву ты рассказываешь нам о вещах, составляющих государственную тайну?

— Но ведь я... ведь я тебя создавал! — с отчаянием крикнул Кольман, сознавая, что машина не подает ему слов.

— Ты произносишь фразы, лишённые всякого смысла. Не упоминай! О чем ты говорил с этими людьми 27 октября в 23 часа 35 минут вечера?

— Будет у же сказал, что о тебе!

— А о чем еще?

— Больше ни о чем. Ой!!! — завопил Кольман, стараясь вскопиться со стула, так как тело его пронзила острая игла электрического тока. Но обитая резной

стать рычагов крепко прижала его к стулу.

— Видишь, как плохо лгать! — назидательно сказала машина. — Говори правду, иначе ты снова будешь наказан. О чем ты говоришь? — Ты же говорил 27 октября в 23 часа 35 минут вечер!

— Я... я не помню... — пробормотал Кольман.

— Почему ты не поминишь?

— Беседа наша была дружеской... Мы болтали о разных вещах, разных предметах... и пили вино...

— Не хочешь ли ты этим сказать, что был пьян и поэтому ничего не поминишь?

«Смыслию на состоянии опьянения я заработаю сразу семь отрицательных пунктов», — подумал Кольман и в отчаянии крикнул:

— Нет, я вовсе не был пьян!

— Так почему же ты не поминишь?

— Я испытываю чувство какой-то дистракции...

— Дистракция — это значит рассеянность, не так ли, так ли?

— Ну да, но... Он!

— Не лги, — сказала машина, — ты видишь, как плохо лгать? Ты только что говорил, что не страдальшь рассеянностью. Не высказывал ли ты мнения, что следует ликвидировать Федеральное бюро расследований? Отвечай!

— Я... я говорил это, но не в подражном смысле... а совсем наоборот...

— Что значит «совсем наоборот»?

— Я говорил, что со временем, когда все будет использоваться машины по проверке лояльности, Федеральное бюро расследований будет... не очень необходимо...

— Значит, ты говорил, что Федеральное бюро расследований в будущем окажется не очень необходимой? Почему оно не будет необходимо? Быть может, потому, что в Америке тогда изменится социальный строй?

— Нет, нет! Строй в ней никогда не изменится!

— Ах, но изменится... — как-то ласковым тоном повторила машина и вдруг спросила:

— Любишь ли ты птиц?

— Нет! — крикнул Кольман.

— Нравятся ли тебе голубые цветы?

— Нет!

— Любишь ли ты голубей?

— Нет!.. Я не терплю голубей! — завопил ученый. Он все больше и больше испаряющийся пот проникал в сверхчувствительные

гайдометры, а за это засчитывались отрицательные пункты.

— А что ты подразумеваешь под словами «справедливость станет достоянием все американского общества»?

— Ах, это все скотина кельнер! — прорычал Кольман, содрогаясь от бешенства и страха. Специальное устройство под стулом тщательно регистрировало его дрожь, и машина засчитывала за это новые отрицательные пункты.

— Почему ты оскорбляешь лояльного гражданина? Займись лучше со всею искренностью. Какой, по-твоему, должна быть эта «новая справедливость»?

— Я думал о всеобщей американской демократической справедливости...

— Так зачем же ты противопоставляла настоящее время будущему? Разве у нас нет теперь всеобщей американской демократической справедливости?

— Есть! Конечно, есть!

— Так что же должно быть в будущем?

— Я не знаю!.. Будет то же, что и теперь!

— Почему же ты, говоря это, дрожишь и потеешь?

— Потому что здесь очень жарко... пробормотал Кольман и тут же услышал, как щелкнуло автоматическое климатическое устройство. Оттуда-то с потолка на него хлынула волна ледяного воздуха. Ученый зашелкан лубами.

— Спасите! — хотел крикнуть он, завидев, как уж, в стальных колпаках, но последним усилием воли сдержался, так как помнил, что за это назначается много, очень много отрицательных пунктов.

И вдруг он вспомнил о существовании контактной схемы «Альфа-бета». Если бы ему удалось, осторожно наклонившись вперед, приблизить руку к распределителю точечному цифровым машин, вытиснуть из гнезда один из контактов и вставить его в другое гнездо, то... машина перестала бы все это отрицательные пункты на положительные!

Дрожь от страха и возмущения, он, как змея, стал высказывать из сжимающихся его обрубки и колюч. Еще движением, и пальцем его коснулся холодного металлического щитка. Вдруг раздался громкий скрежет, дверца кабины распахнулась, и в нее ворвались два стеньга.

Они повели профессора в камеру. Открывав решетку, один из стражников сказал другому, не перестав жевать своей явочки: — Эй, Мэтт! Посмотривай корешонку за этим типом. Он не простой преступник. Машину хотел испортить, понимаешь?.. Он, наверное, шпиком, а то и того хуже. Четыреста минусов ему отстучало, понимаешь ли ты! И такие типы воспитывать наших парней!

— Давно пора с ними покончить! — подумал Мэттос и, не перестав жевать, пристально посмотрел на профессора. — Эй, ты, красивый... чего трясешься?! Ведь ты уже приговорили. Сколько этот тип получил?

— Да пусть какой-то, всемлет!

— А ну, валия, старая обезьяна! — рявкнул стражник, распахнул занавеску, распахнул дверь и в толкнул профессора в камеру.

Кольман с глумливым тоном рхнул на каменный пол.

Соперничание перевод с польского Валерана АРЦИМОВИЧА.

Момент игры в травяной хоккей.

П. Ч. ГУПТА,
профессор Аллахабадского университета

МОЛОДЕЖЬ И СПОРТ В ИНДИИ

Индийская молодежь очень интересуется спортом. В любом уголке страны привлекают множество зрителей. Интерес к спортивным играм так велик, что люди, которым не по карману входной билет, выстраиваются на вершине деревьев и оттуда наблюдают за состязанием. Другие готовы отдать последние гроши, только бы проинтнуть на стадион.

В Индии для широкого развития спорта нет достаточных средств, поэтому организация спортивной работы все еще очень слаба, но мы гордимся тем, что при всем этом наша молодежь сумела достичь неплохих спортивных результатов.

С каждым днем все большую популярность приобретает спорт среди индийских женщин. Правда, их спортивные успехи пока что невелики, но мы надеемся, что в ближайшем будущем наши девушки добьются более высоких показателей на мировой арене. В Советском Союзе с большим интересом следили за выступлениями индийской женской волейбольной команды на международных соревнованиях в Москве. Вернувшись в Индию, наши волейболистки с восхищением рассказывали о теплом, дружеском приеме, который был оказан им Советском Союзе. Хотя команде не удалось добиться победы в этом соревновании, поездка имела огромное значение для повышения мастерства наших спортсменок.

На пути совершенствования мастерства в различных видах спорта и игр индийской молодежи приходится преодолевать всевозможные трудности, в том числе и материальные. Но это не останавливает нашу молодежь. Она упорно стремится завоевать почетное место на международных состязаниях.

Советские юноши и девушки неоднократно демонстрировали свои спортивные достижения и успехи.

Автор статьи П. Ч. Гупта — профессор Аллахабадского университета, видный литературный критик и общественный деятель Индии. Статьи, которые мы публикуем, написаны специально для «Смены».

убедительно доказали свое право занимать ведущие места среди лучших спортсменов мира. Мы с надеждой смотрим вперед и ожидаем того дня, когда индийская молодежь получит такие же возможности для развития своих способностей на спортивном поприще.

Советские читатели знают, что Индия в течение последней четверти века никогда не уступала международному золотой медали по травяной хоккею. Ни одна команда в мире еще не нанесла поражения хоккейной команде Индии.

Одного из наших хоккеистов, Дина Чанда, в народе по праву называли «народом хоккея». Молодежь Индии буквально благодарит его за то, что в нашей стране насчитывается несколько десятков великолепных хоккеистов. Их игра отличается стремительным темпом, они мастерски владеют клюшкой, удивительно легко и быстро передают ее по полю. Уровень игры в хоккей чрезвычайно высок во всех провинциях и городах. Индийские и другие страны стремятся совершенствовать игру в травяной хоккей. И, видимо, в ближайшем будущем нашу превосходству в этом виде спорта будет брошен серьезный и опасный вызов.

Из других спортивных игр в Индии распространены теннис, крикет и футбол. Индийские теннисисты не раз побеждали в международных матчах. Одним из сильнейших теннисистов зарекомендовал себя Гюс Мохаммед, выступая на международных соревнованиях, он слыхом волнует, поэтому на крупных матчах мои соотечественники добиваются значительно меньших результатов, чем в тренировочных играх. А ведь без настоящей силы трудно добиться победы!

Серьезным недостатком индийских спортсменов является то, что, выступая на международных соревнованиях, они слыхом волнует, поэтому на крупных матчах мои соотечественники добиваются значительно меньших результатов, чем в тренировочных играх. А ведь без настоящей силы трудно добиться победы!

1 Небольшой город в Англии, где обычно проводится крупнейшее соревнования по теннису.

Толпа теперь, после объявления
то иностранного господства, наша
молодежь начинает обретать
уверенность в своих силах.

Крикет также является излюб-
ленной игрой индийской молоде-
жи. Наши юноши и девушки неоди-
нократно и успешно выступили
против сильнейших команд Вест-
Индии, Англии и Австралии. Силь-
нейшими игроком в крикет долгое
время считался С. К. Найду. Эта
игра всегда привлекала массу зри-
телей. Когда кто-нибудь из них
просил его продемонстрировать
знаменитый удар «шестерика»
(списера), пришедшей команде
сразу шесть очков, он всякий
раз незамедлительно удовлетво-
рял эту просьбу к великому удо-
вольствию всех присутствующих.

К. Найду обладал разносторон-
ними способностями. Это был лов-
кий и тонкий бьющий? и в то же
время расчетливый капитан коман-
ды. Сейчас Найду оставил спорт
по возрасту. Из других ветеранов
крикета наибольшей известностью
пользуются Мерчант, Хазарс, Амар
Натх, Манкад и Муштак Али. В на-
стоящее время на спортивном го-
ризонте Индии появляются много
новых восходящих звезд крикета.
Чрезвычайно популярны в Ин-
дии футбол. Особенно распро-
странена эта увлекательная игра
в Бенгалии. На футбольных мат-
чах в Калькутте всегда присут-
ствуют тысячи зрителей.

Индийские футболисты исклю-
чительно подтяжны. Они прекрас-
но владеют коротким пасом и
искусно пользуются обводкой.
Однако их удары по воротам
очень слабые, и поэтому результа-
ты игры намного ниже общего
уровня мастерства наших футбо-
листов. Хочу напомнить, что толь-
ко недавно они стали играть в
буксах и теперь тренируются, ста-
раясь привыкнуть к этому новше-
ству.

Гадает то, что индийский фут-
больный командизм все же уда-
лось с успехом выступить против
команд различных стран как в Ин-
дии, так и за границей. Наиболь-
шей известностью пользуются в
Индии футболисты Бхалла, Пол,
Мургуш, Лахми Нарайн, Мева
Лал. Говоря о футболе, следует

↑ Игрок, бросающий мяч в при-
жете.

Встреча между женскими волей-
больными командами Индии и Бол-
гарской Народной Республики на
южной стадии «Финал» во время
розыгрыша первенства мира
по волейболу.

замечить, что индийские спортс-
мены не любят резкие игры, на-
ши правила, касающиеся наруше-
ний, очень строгие.

В Индии также популярны —
главным образом в школах и кол-
леджах — волейбол, баскетбол и
скейш-рекет².

Простые люди, у которых много
времени отрывая борьба за су-
ществование, не имеют возможно-
сти заниматься спортом. Широко
массам крестьян и рабочих до-
ступно всего лишь несколько игр,
например, кабадди³ и гулли-дон-
да⁴, которые не требуют покуп-
ки спортивного инвентаря. На-
иболее массовая игра — кабадди.
Как правило, она проходит очень
оживленно и интересно. В ней
участвуют две группы, которые
посередом штурмуют лагерь той
или другой стороны.

Хочется упомянуть и о таком
виде спорта, как борьба. Многие
индийские борцы приобрели за-
служенную славу. Достаточно
вспомнить хотя бы Гану, который
в тенише рьял два бел чемпио-
на мира и никогда не знал пора-
жений. У нас сейчас есть много
молодых борцов, идущих по сто-
пам легендарного инвентаря. На-
иболее известными спортсме-
нами. Не один знаменитый боец
приезжал в Индию из Европы,
чтобы помериться силами с нашим
чемпионом.

Совсем иначе обстоит у нас с
легкой и тяжелой атлетикой. В бе-
ге, прыжках, поднятии тяжестей
индийская молодежь находится
еще далеко от международных
спортивных достижений. Однако мы
уверены, что улучшение услови-
я жизни, физического воспита-
ния и организации всей системы
спортивной работы позволят на-
шим юношам и девушкам выдвиг-
нуть из своей среды преданных
мастеров спорта, претендентов на
завоевание первенства в между-
народных состязаниях.

Мы много знаем о достиже-
ниях советской молодежи в раз-
личных видах спорта и искренне
восхищаемся ее успехами. Совет-
ский кинофильм «Грядущий мо-
лодежь» — один из популярнейших
фильмов в Индии. Широкий обмен
спортивными кинокартинами, на
мой взгляд, способствовал бы уси-
лению чувства любви и дружбы
между народами, ибо на-
ши народы восстают наравне с
нашим силами и молодости в спорте
и глубоко ненавидят силу, приме-
няемую в войне.

Все народы в восторженном прона-
вля в Индии визит СССР — во-
лейбольных команд. Они привезли
с собой из Советского Союза ста-
ва любви и дружбы многомили-
онным массам Индии от совет-
ского народа.

Полагаю, что уже сейчас стоит
подумать о том, чтобы чаще
предпринимать поездки советских
футбольных команд в Индию и
индийских футболистов в Совет-
ский Союз. Такие взаимные визи-
ты, несомненно, принесут огром-
ную пользу обмени странам.

Все народы любят спорт. Теперь
спортсмены стали маленькими по-
сланцами доброй воли.

Да здравствует дружба между
советской и индийской молоде-
жью!

Да здравствуют наши спортив-
ные традиции и наша любовь к
миру между народами всего
мира!

Перевел Н. В. ГЛЕБОВ.

² Разнообразие тенниса.

³ Ветрие городов.

⁴ Игра в чашках.

Толпа созвездием Южного креста

Около месяца продолжалось
плавание советского танке-
ра «Майкоп» от Черномор-
ского побережья до Малаккско-
го полуострова. Тропическая жара,
бесконечное однообразие
Индийского океана порядком уто-
мили моряков, и все с нетерпе-
нием ожидали прихода в Синга-
пур — крупный портовый го-
род, расположенный на пересече-
нии важнейших морских путей из
Европы на Дальний Восток.

...У одного из многочисленных
островков, заросших буйной рас-
тительностью, мы встретил лоц-
манский бот. На борт танкера
поднялся лоцман-уточающий
англишанин в белой безрукавке и
коротких, до колен, брюках. Он
повел судно к месту якорной
стоянки, и вскоре «Майкоп» за-
стопорил машины на оживленном
сингапурском рейде.

Со стороны рейда Сингапур
очень красив. Вдоль набережной
расположены высокие, монумент-
альные здания банков и крупных
фирм. Наподалеку от морского
вокзала высится недостроенное
здание единственного в городе
небоскреба.

Высидевших на тамбоненной
пристани, мы вышли на оживлен-

На снимках: сверху — пляжный го-
род. Здесь на ринках живут тыся-
чи семей. Внизу — на одной из
улиц Сингапура.

ную улицу. Толпа, наводнящая
ее, выглядит очень пестро. Здесь
были индусы в разноцветных чал-
мах, цейлонцы в длинных клетчат-
ных рубашках, китайцы в синих хлоп-
чатобумажных костюмах, англи-
чане в коротких белых брюках и
неизменных шерстяных чулках-
гетрах.

Бойкие мальчишки выкрикивали
названия газет. Более двух третей
объема местных газет отведено
под ридлавы. После нескольких
заметок на политические темы
следовали бесчисленные описа-
ния драк, убийств, происшествий
в ночных барах и тому подобные
сенсации.

Недалеко от порта, на площади
Редф, находятся большие магази-
ны, обслуживающие в основ-
ном англичан. Это европейская
часть города. Здесь очень чисто,
полиция строго следит за соблю-
дением правил уличного движе-
ния.

По центру в различных направ-
лениях шумят бесчисленные мно-
жества велорикш —

это усовершенствованная форма использования человека в качестве тягловой силы. К валослеводу приделана сбоку головка, в которой могут поместиться два человека.

— Господа! — вдруг раздался радом.

Оглянувшись, мы увидели велосиписту, местом приглашающего нас сесть в коляску. Третий помощник капитана Юрий Карпов энергично покачал головой, отказываясь от его услуг.

— Это очень дешево, сэр! Если хотите, я могу взять даже три Ели, — на ломаном английском языке упрощенная речь.

И только когда Юрий сказал, что мы русские, ринца отъехал в сторону, помахав нам рукой. Жители Сингапура давно уже знают, что советские моряки никогда не пользуются этим видом транспорта.

За деловыми кварталами начинается туземная часть города. Дома здесь двух- и трехэтажные.

Передних ступ, выходящих на улицу, у этих домов, можно сказать, нет, их заменяют занавески. Такие дома по виду чем-то напоминают этакерки.

Первые этажи обычно заняты под лавки и магазины. Покупатель мало, и торговцы прибегают к всевозможным уловкам, чтобы заманить их в свои магазины. На углах улиц дежурят «казималы». Заметив иностранца, они с криками бросаются к нему, бесцеремонно преграждают путь, наперебей расхваливая товары своего магазина. Затасавшись покупателя в лавку, продавцы уже не выпустят его, пока не покажут все свои товары и не заставят что-нибудь купить. Как правило, при этом сбывается залежалый товар.

Удручающее впечатление произвел на нас плывущий город на канале Сингапур-ривер. Грязная вода канала цветет и издает тяжелый запах. Среди зловонных испарений на тысячах джонков живут грузчики, ринши и другие низкооплачиваемые рабочие, которые не в состоянии платить за коммуна на берегу.

...В ближайшем воскресенье группа наших моряков отправилась на экскурсию в ботанический сад, расположенный в трех милях от Сингапура. Проезжая

на автобусе через центр города, мы были поражены царящим там безлюдьем и тишиной; обитатели этих кварталов обычно проводят воскресный день на море или за городом. Население туземных кварталов нигде не встречается.

Ботанический сад представляет собой огороженный участок джунглей. Подбор растений здесь довольно случайный. Со всех сторон к саду подступают частные усадьбы. Они подчас вклиняются в территорию сада. На многих дорожках и аллеях висят надписки.

Когда мы проходили мимо высоких тропических деревьев, опутанных густой сетью лян,верху неожиданно раздался шум, визг. Через несколько секунд на тропинку одна за другой выскочили мартышки. Шумной стайкой они окружили нас, бесцеремонно хватая за руки и явно что-то выпрашивая.

Кто-то из матросов попробовал обаяние большой пакет с орехами:

— Ну-ка, возьми парочку! Но мартышка не стала деликатничать. Выхватив весь пакет из рук матроса, она вскочила на дерево и, повиснув на задних лапах, стала деловито щелкать орехи. Другая обаяшка тем временем была поймана на месте преступления. Она пыталась залезть в карман судовому врачу Грбовскому.

На обратном пути в ботанического сада мы решили еще зайти в городской краеведческий музей. Принарядит, одетые в желтую униформу, были сильно удивлены неожиданным появлением большой группы посетителей.

Музей этот основан в конце прошлого века. В основном экспозиция его пополняется за счет подарков местных богачей. Очень богаты залы, посвященные быту и культуре местного населения. Более богат и интересен отдел фауны. Животный мир тропиков бесконечно разнообразен. Здесь есть бабочки, превосходящие по размерам воробья, и птицы меньше своих бабочек. Богатейшая гамма цветов в окраске насекомых, птиц и рыб, принудительно их внешнего вида произве-

ли на нас очень большое впечатление.

Через несколько дней нам удалось побывать еще в одном музее, который оказался значительно богаче краеведческого. Это был домашний музей местного богача Бун-ке. Перед роскошной виллой на зеленой лужайке расставлены искусно сделанные скульптуры животных. Особенно красив олень, изваянный из черного мармала.

В залах виллы за зеркальными стеклами витрин выставлены уникальные произведения китайских и индийских мастеров: сосуды из серфера и фарфора, небольшие изящные статуэтки из самоцветов и слоновой кости. Заполненная небольшая статуетка индианки из розового полупрозрачного камня необычайно теплых тонов. Ее одухотворенная улыбка, устремленная вперед фигура кажутся живыми.

Тихо и пустынно в залах виллы, усталыми мягкими коврами. Собранные здесь ценные произведения искусства принадлежат одному человеку. Он их полноудельный владелец и по своему усмотрению пускает посетителей для осмотра коллекций.

После виллы О Бун-ке мы поехали в «тайгер парк гарден» — большой китайский парк, расположенный на склоне горы в нескольких милях от города. Узкие лестницы и тропинки ведут к вершинам горы через искусственные гроты и ущелья. Этот парк славится своими муляжами — цветными фигурами, расставленными среди пышной зелени. Муляжи изображают сценки из древних китайских легенд, Борьба с драконами и другими чудовищами, страшные свои изощренностью птиц, любовные похождения и индусов — так называемые основные темы искусно сделанных муляжей.

В порт мы возвращались вечером. В пригороде Сингапура по обеим сторонам дороги шумели казармы, склады, площадки для войсковых учений. Мы повстречали много английских военных.

Возвращаясь на катере к своему судну, мы проплыли мимо живописной острова Пуло-Бенг-Мети. На возвышенной части, среди пальмовой рощи, виднелись осветленные белые дачи. А у самого берега перед нами неслучайно открылась важная черта. О тактих поселках мы держали лишь в описаниях старинных путешественников. Участок земли под застройку лачуги стоит смиком дорогую по плану индийским мальчикам приходится строить свои жилища на сваях, вбитых в прибрежную отмель.

Вскоре мы покинули Сингапур. Проезжая командой: «Поднять якорь!» Заремел брассилье, выбирая якорную цепь. Судно вздрогнуло и двинулось вперед, постепенно ускоряя ход. На рейде мы прошли мимо советского танкера «Батуми». По морскому обычаю два три прощальных гудка. «Батуми» ответил нам тем же.

Солнце ширло за горизонтом, на небе появилось несверное в наших широтах созвездие Южный Крест. Наше судно взяло курс на восток, к родным берегам.

Песни леса

Весна наступала робко. Несильно раз начиналось потепление, проглядывала соичка, но потом — пришла злая холодный ветер.

Темно и серо было в апреле лоду ветер, который принес весенние запахи... и перелетел дождь, все кругом как бы выскользнуло из-под снега каните-то прутки, кустики, на холмах повисли туманы и метелью. Ветер пошел на восток, в долину, в долину, в долину. Целыми днями баранками, куропатки, яростно иричали сорини, лес шумел — начиналась сама primavera, ахотный птицы пора.

...Темно разбудила Лесник: «Пора! Подем!» Песни с порога мы проваливались в непроглядную тьму. Спит кругом лес, молчит, глухой и таинный. Пахнет влагой, влажной землей.

...Шшшш... Тут! — останавливается.

Темно. Птицы не просятся, чуть слышно скрипит ель, у голубиной которой ступ шалаш. Постепенно поначалу улавливаются разные не различные звуки грома, как будто издалека, откуда-то хоронит выданные птицы, тинущие где-то старомодная. С болота, внезапно доносится странный шум, будто кто-то стучит ударили адресный колонок.

...Иду. Иду. И сразу, как по команде, заговорили все: победо истребителей, восток, восток, восток, залюбили крыльями самцы-нуропатки.

...Ночка... На поляну с шумом опускаясь четверо, они находят неподвижно, поглядывая на пламенный восток, на иричатые ступени: «Подходит или уже пора?» — и, видимо, рини: «А вот так, пора!» — заступают крылья, бежит по поляне и вдруг тремно и тинит: «Чу-фышш!» И в ту же секунду на поляну садится еще несколько муляжей. С беззвучной отвагой ондоится один друг за другим и начинается битва любви, бывающая только раз в году. Как они бьются! Как борются, чурьчат, шибясы в воздухе!

Один петушок, молотенный и горячий, не нашел себе слау крага. Он бестолково суется к дерзунчику, но не — глаз в глаз и клюв в клюв — видит только друг друга и не обращают на него внимания. Петушок приходит в отчаяние, и непереносимым криком, иричат битва. Он шипит, раздувает шею, облетает несколько раз пона птичку и, наконец, начинает драться со всеми, кто находится в радиусе от одной рапы к другой. За ним гонится сразу несколько разгневанных бойцов, он бьется на них, отаиваясь, он смачивает.

Я лежу с ружьем в кустах, слушаю песни леса, думаю о том, что бы такое сделать, и не хочу разрушить этой битвы. Но все счастье охотника — в выстреле, и я стреляю. Сильно раздается выстрел по лесу, перенатывается по озерам и затихает издали.

...Солнце уже высоко. Мы идем по старой шшисто-дороге с разбросанными на ней пятнами снега и синга. Состоянием лесной охоты, лесной гриве. Далеко внизу, на разливе, виден уток, а совсем рядом с нами, на берегу, стоит лесной голубь-шкляр, и неслучайно зоб его оттопчет золотом.

...Все кругом поет и звенит. В лесу царствует весна.

Юрий КАЗАНОВ

Уличный разношчин продает обеды.

А. КЛЕМЕНТЬЕВ

Рис. Е. Гурова.

Час спустя довольно странно
Шли друзья из ресторана:
Не выдерживая качки,
Петя выполз на карачках
И хрипел у лужи лежа:
— Мы в кино пойдем.

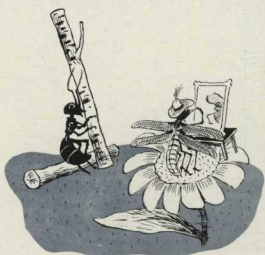
Серр-ежа...

А Серезжа, спотыкаясь,
Захмелев от крепких вин,
Шел, отчаянно ругаясь,
В бакалейный магазин.
Там решил вдруг: не мешало б
Привести людей к порядку.
— Эй, п-подайте к-книгу...
ж-жалоб...

Басни в прозе

Вас. КОНОНОВ

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

Нес Муравей ношу. Устал, остановился
отдохнуть. Видит, Стрекоза на цветке сидит,
перед зеркалом губки красит.

— Опять к зиме не готовишься,— упрекнул
ее Муравей.

— А зачем? — возразила Стрекоза.— На то
у меня папа и мама есть.

ЛЕВ И ОСЕЛ

Пришел Лев на симфонический концерт.
В зале Осла встретил.

— Ты как здесь? — удивился Лев.

— Все ходят, и я пришел.

— Да в музыке ты что-нибудь понимаешь!

— А все равно, иначе необразованным про-
зуют.

— То-то, брат, и беда наша!

Рис. Е. Ведерникова.

«ОТДОХНУЛИ»

Фельетон

Два дружка принарядились
В воскресенье хоть куда!
Как положено, поборились,
Причесались, прифрантились —
Сколько стоило труда!
Говорит Петру Серезжа:
— Хорошо б пойти в кино.
Или вот в театре тоже
Не бывали мы давно.
— Что ж, Серезжа, это гоже,—
Оценил товарищ план.
И повел дружок Серезжу
Прямо... в ближний ресторан.

Испиху я...
всю тетрадку...

...В понедельник оба друга,
Головную боль кляня,
Вспоминали очень туго,
Как прошел остаток дня.
Поделались и вздохнули:
Одним словом — отдохнули!

От этого «отдыха»
есть ли прок?
Нужно, товарищи,
выместить,
Выгнать
позорного пьянства
порок
Пламенем
непримиримости!
А. СИЛИН
г. Свердловск.

СЕРЕНЬКИЙ КОЗЛИК

Рис. Г. Козлова.

Там, в комитете, строчат Донесения:
«Выполнен полностью план насаждения...»
Шли по райкому различные толпы:
Будто напали на козлика волки.
Толки неверные, к сожалению,
Козлик поныне жует насаждения.
г. Орел.

Т.
З.
в.
на
Эд.
тиг.
соп.
рабо.
Роман КОГАН
В н.
ть и
рого
идет г.
видит т.
на пер.
редосозле реки, палисадникаazole
гда огрч-бил у бабушки серенький козлик.
Пурушу дсебя козлик и скромно и мило,
требовалишка козлика очень любила.
сидравно
привык к
Тигры, ушло козлику в сад погулять —
нартики, соглядеть и себя показать.
старшему, бе, козлика в садик водила,
шу, немалог
родился и вы козлика очень любила.
не, Три друг
ве, Осло двудля по тенистому саду,
пойманы сове
в Усусрийской ревя, газоны, ограды.
Зверу они попилися себе на дорожке...
начала стемок
Борис Завер бол садика рожки да ножки.
вел на цирновом м.
ние годы знаменно, привлечь бы к ответу
щик ушел с манеж, бабушку эту,
педдагогом-воспитателем.
свои система докрасному комитету
он терпеливо передает видимо, нету.

Цена номера
2 руб.

